

Андрей БИТНЕВ

ПРЕТЕНДЕНТ НА БУКЕРОВСКУЮ ПРЕМИЮ

ЗАВТРАК ПАЛАЧА

Претендент на Букеровскую премию

Андрей Бинев

Завтрак палача

«ЭКСМО»

2014

Бинев А.

Завтрак палача / А. Бинев — «Эксмо», 2014 — (Претендент на Букеровскую премию)

В VIP-отеле для особых персон служит официант по прозвищу Кушать Подано. Красивый и обаятельный, он способен расположить к себе любого постояльца, будь то российский олигарх, испанская авантюристка, сын нацистского преступника или неаполитанский мафиозо. Кушать Подано мастерски проникает в сердца клиентов, он без слов понимает, чего именно от него хотят, и безоговорочно исполняет все желания. Взамен постояльцы открывают официанту свои души – порой черные, страшные, а порой отчаянно несчастные. Они доверяют ему удивительные и во многом узнаваемые истории своих несправедливых жизней. А Кушать Подано ведет свою летопись. Летопись жизни воров, убийц и жертв... Но главная загадка – кто же такой в действительности обаятельный мулат по прозвищу Кушать Подано...

© Бинев А., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Иван Голыш	14
Синьора Мария Бестия	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Андрей Бинев

Завтрак палача

© Бинев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Одно из главных отличий правды от лжи состоит в том, что правду не поколеблют никакие последствия, даже самые жестокие. Она в этом смысле похожа на льва. А ложь всегда в беспокойных мыслях о последствиях, потому-то она гибкая и изворотливая, как змея. Так что же ближе сердцу – жестокость или гибкость? Оттого лжи в мире больше, чем правды, как популяция змей неизмеримо многочисленней, чем популяция львов.

Спросили волка и льва: «Кто учил вас рвать зубами овцу?» «Голод», – ответили звери. И съели вопрошающего.

* * *

Я наблюдал, как полный господин с печалью смотрит в синеющую даль моря, словно размышляя о том, сколь долго оно будет радовать его стареющее сердце и юные голубые глаза, необычайно точно отражающие аквамарин воды и неба.

Я давно уже привык, что мои клиенты задумчивы и печальны, и в этом (быть может, лишь в этом) они честны перед Богом. Кто знает... Возможно, лишь я один так о них думаю, потому что притерпелся к их быту, страстям, вкусам, привязанностям и прочим слабостям человеческой натуры.

– Синьор Контино¹, не желаете еще что-нибудь? – спросил я у полного господина, вежливо склонившись у него за спиной.

Синьор Контино медленно поднял к небу свои аквамариновые глаза и произнес отстраненно, словно обращался к небу, а не ко мне:

– Знаешь ли ты одну забавную историю?

И небо, и я почтительно молчали.

Синьор Контино пожевал полными губами и тем же спокойным, даже чуть отрешенным голосом доверил нам с небом нечто важное, навеянное, видимо, лазоревой далью моря...

– Один итальянец подозвал к себе чернокожего официанта и спросил, знает ли тот, почему он весь черный, как ночь, а ладони у него белые. Тот удивленно пожал плечами. «А вот потому, – сказал итальянец, – что, когда я тебя красил в черный цвет, ты упирался в стену ладонями». Чернокожий промолчал. «А знаешь ли ты, почему у тебя белые пятки, в то время как все, кроме ладоней, черней ночи?» – не унимался мой веселый соотечественник. «Не отвечай! – строго велел итальянец. – Я отвечу за тебя. Это потому, что, когда я тебя красил и ты упирался ладонями в стену, я позволил тебе стоять ногами на земле». Чернокожий официант покачал головой и наконец задумчиво изрек: «Знает ли господин, почему он весь белый, а сфинктер у него темный?» Мой соотечественник не успел возмутиться, как чернокожий закончил свою мысль: «А все потому, белый итальянский господин, что после того, как вы меня покрасили, я стал вас иметь, но у меня к тому времени еще не просох член от вашей краски».

¹ Contino (ит.) – юный граф.

Синьор Контино энергично повернул голову в мою сторону, качнув шезлонг, и затрясся всем своим тучным телом. По его огромному белому животу прошли мощные тектонические волны. Я некстати подумал, что, наверное, именно так и выглядит настоящее землетрясение, а живот синьора Контино вполне мог служить школьным глобусом для визуального объяснения того, как происходят в природе столь разрушительные явления.

Я вежливо улыбнулся. Синьор Контино издал хлюпающие звуки и вновь отвернулся к бесконечному небу и бездонному морю. Он неосторожно махнул полной рукой и задел полупустой кубок с его привычным коктейлем: одна треть русской водки, одна треть «Джонни Уокер», одна треть сухого martini и яичный желток. Безо льда. Синьор Контино называл эту убийственную бурду, на рецепте которой настаивал с самого начала, *La strada della vita*². На мой же взгляд, это вело, скорее, от жизни, нежели к ней. Впрочем, в жизни все весьма абсурдно – что ни делай, все ведет в обратную от нее сторону. Так что, может быть, он и прав.

Почему он рассказал мне этот анекдотец? Потому что я официант, потому что я мулат? Думаю, нет. Это его наивный пасс в обратную сторону от расизма по тому же принципу реверсного движения, что и в жизни. Или наоборот? Кто ж его поймет, этого синьора...

Я придержал кубок и успокоил его возмущенную пляску на гладкой поверхности круглого белого столика. Меньше минуты назад, вероятно, так же стоило уgomонить и сотрясающийся живот итальянца.

– Иди, марокканец! – одними губами произнес синьор Контино. – Мне надо подумать. – Он вновь уставился в синюшную даль, отражая ее лучший спектр в своих юных глазах.

Я не марокканец. Но это не важно. Здесь многое не имеет значения. Все или почти все сводится к единому знаменателю, как всех объединяет английский: у кого-то хуже, у кого-то лучше, а в конечном счете это тоже не важно.

Я неслышно отошел от итальянца и бросил быстрый, внимательный взгляд на немца – худого седого старца, слепого господом словно в укор сдобному итальянцу. Глаза герра Штрауса карие, щеки впалые, шея худая, морщинистая и длинная, будто уворованная у страуса, живот подведен под выпирающие ребра, колени ног торчат вверх бильярдными шарами, а длинные пальцы худых рук постоянно шевелятся, как ленивые червяки.

Немец все же поймал мой быстрый взгляд и недовольно поджал сухие бледные губы. Я прозрачно улыбнулся и приветливо кивнул.

Герр Штраус медленно поднял вверх костлявую, как у египетской мумии, длань и шелкнул в воздухе своими ленивыми тощими «червяками». Он недолюбливал меня, как, впрочем, и все остальное человечество. Пожалуй, герр Штраус – самый древний член нашего клуба. Он появился здесь за пару лет до меня.

Этот щелчок означал, что ему следует немедленно подать бокал белого сухого чилийского вина и стакан ледяной воды. Его костлявые ноги нетерпеливо шевельнулись на шезлонге. Но он вовсе не собирался вставать и бежать за вином. Скорее, хотел бы двинуть мне шаровидным своим коленом под задницу для ускорения. Я даже почти почувствовал, как крупный белый бильярдный шар (такой же, как в русском бильярде) попал мне в задницу, словно в лузу.

В холле номер четыре стояли три русских бильярдных стола – огромных, как вертолетные площадки. Администрация держала их для русских. Сейчас их в парк-отеле проживало двое. Они не любили друг друга, и в бильярд каждый из них играл сам с собой: просто с озлоблением катали шары, выкрикивая странные слова. Один стол всегда простаивал.

Одного русского называли Товарищ Шея, или *Genosse Hals*, что по-немецки это же и означало, но, говорят, на самом деле его когда-то звали товарищем Шеиным. Как ни странно, этот серенький невысокий человечек симпатизировал лишь одному герру Штраусу, а тот, судя по скупым ужимкам рептилии, отвечал взаимностью. Они словно происходили из одного пле-

² Дорога жизни (*ит.*)

мени, но общественные катаклизмы развели их семьи по разные стороны, и родство ютилось теперь лишь в холодной крови.

Я зашел под навес пляжного бара. Каменно-молчаливый, будто глухонемой, бармен, бельгиец Юм, как всегда, молча поставил мне на поднос бокал запотевшего сухого белого чилийского вина и стакан ледяной воды. Он со своей служебной точки видел все, что происходит на пляже, и знал, так же, как я, когда, что и кому подавать. А еще он всегда был в курсе, кто на кого и как посмотрел, что и как сделал, какое движение произвел, даже самое не приметное. Мне кажется, он к тому же еще и читал по губам. Во всяком случае, сделал вдруг неприличное движение указательным пальцем левой руки и пальцами правой, заключенными в кольцо, надевая это кольцо на тот напряженный палец. И тут же покосился на полного итальянца. Потом усмехнулся краешками губ, но так, что лучше бы просто расхохотался.

С ним я не должен быть предупредительным и вежливым, поэтому я тоже чуть заметно оскалил свои крепкие белые зубы. Бармен Юм не платил здесь за удовольствия. Он получал их, как видно, дозированно, тайком. Я бы сказал, воровал. Собственно, мы все, работающие здесь, воровали свои удовольствия.

Товарищ Шея в синих шортах, в расстегнутой розовой гавайской рубашке с изображенными на ней кораблями и рыбами сидел тут же на высоком табурете и вертел в руках пластиковую карту-ключ от своих совершенно не нужных ему апартаментов. Он потер кончиком карты нос и хмыкнул что-то невнятное. Юм тут же плеснул ему водки в матовый стакан и швырнул туда три кубика льда в виде сердечек. Русский зачем-то повертел стакан в руках, замороженно прислушался к звону ледышек и тут же наотмашь выпил водку.

Он выпивал в день не меньше литра своего крепкого национального напитка. К вечеру чуть розовел, под цвет своей неизменной рубашки, и спал как убитый до утра там, где его заставляла черная южная ночь: на пляже, в холле корпуса на кожаном диване, под пальмой на паркинге для электромобилей или в апартаментах, если успевал доползти до них и не валился навзничь в гостиничном коридоре. Часто прямо на полу или в сухой джакузи в ванной. Мне приходилось приносить ему ранним утром водку во время обычного похмелья, но я ни разу не видел в его спальне разобранную постель. Его личный бар в апартаментах всегда был пуст и скупен. Хотя мы заполняли его дважды в день.

Второго русского звали, как и положено, Иваном. Фамилия у него была странная – Голыш. Будто и не русская. Ивану, огромного роста и неопределенного возраста, на вид можно было дать лет сорок пять или больше. Бритый наголо, до синевы, круглый, правильной формы череп, маленькие светлые усики под мясистым носом, серые невыразительные глаза, очень мелкие и очень нервные. Он не употреблял спиртного и, по-моему, даже боялся его. Наверное, когда-то лечился и теперь отчаянно сражался со своей национальной бедой – непросыпным пьянством. Как и остальные, он был сказочно богат, но встретить такого человека где-нибудь в портовом городе, сразу подумаешь, что это не то заезжий моряк, не то местный портовый грузчик или даже просто мелкий бандит.

Мне кажется, Товарища Шею он не любил за то, что тот постоянно сдавался на милость их общему врагу – зеленому змию – и тем самым позорил нацию.

Голыш почти весь день с озлоблением лупил по шарам на своем русском бильярде, очень редко загоняя их в лузы. Товарищ Шея, наоборот, играл в бильярд всегда полупьяным (между двумя крупными заправками) и редко мазал. Он победно поглядывал на высоченного соотечественника, а тот лишь тихо рычал и сквернословил, не сводя своих маленьких глаз с очередной пары белых шаров и сжимая кий в руках так, словно это копье, а шары – головы врагов.

Во всех остальных случаях эти люди никогда не оказывались рядом.

Я вообще заметил, что русские словно недолюбливают друг друга, избегают общения между собой за границей и даже стараются не разговаривать громко на своем языке при посторонних. Не знаю точно, с чем связано такое их странное упрямство, но видимо, они смертельно

надоели друг другу за всю их историю. А может, стесняются чего-то, как если бы на них на всех лежала общая печать векового проклятия.

Я никогда не замечал такого ни у немцев, ни у англичан, ни у итальянцев, ни у других европейцев. Хотя нет. Припоминаю, раз или два встречал таких же закомплексованных французов и еще, пожалуй, американцев.

Французы чрезмерно спесивы и раздражительны. Это, видимо, от какой-то застарелой обиды. Кто-то их когда-то недооценил или унизил, причем всех сразу...

А вот американцы обычно беспардонны, резки и крикливы. Это, видимо, от настойчиво скрываемого ими смущения. И еще я вот что думаю: когда их предки дали деру из Европы, то поклялись, что сделают все не так, как их веками учили дома. В Англии, например. И правда, получилось нечто иное... Но им оно, по-моему, самим тоже не очень-то и понравилось. Вот и смущаются теперь. А чтобы никто не догадался, орут все время и руками размахивают, да еще всем кулаками грозят.

Я тут на них на всех нагляделся. Да и не только тут.

Я наконец вернулся к немцу и поставил на столик перед ним вино и воду. Немец еле заметно кивнул и сделал движение клешней, чтобы я убирался к чертовой матери. И я убрался. Клиент всегда прав. Особенно в таком месте, как это.

Но уйти далеко не мог – это мой пост от завтрака до обеда. Потом я перемещался в основной ресторан, менял сорочку, бабочку, белый короткий смокинг на светло-серый дневной пиджак с бордовыми глянцевыми отворотами и с коротким черным галстуком. К вечеру я уже облачался в строжайший черный фрак наподобие тех, в которых размахивают палочкой дирижеры, с белой манишкой и бабочкой под подбородком.

Однако сейчас я должен оставаться здесь, в тени бара, за тростниковой ширмой, и не спускать глаз с ослепительно желтой полосы пляжа, с двух десятков шезлонгов и кресел, с белых широких зонтов, с кромки сочной изумрудной травы вдоль берега, с пальм и цветистых клумб и, главное, с людей, очень немногочисленных, гнездящихся в этом земном раю.

Со стороны моря постоянное наблюдение вели спасатели с двух мощных катеров, хотя в двадцати пяти метрах от берега, сразу под водной гладью пляжной бухточки, была натянута мелкая сеть, чтобы ни туда, ни обратно не проникло ни одно не зарегистрированное и не позволенное администрацией живое существо.

Однажды здесь утонула дама, а следом за ней солидный господин. Глубина (до сети) составляла не более ста семидесяти сантиметров, но они умудрились захлебнуться. Дама была трезвая, а господин смертельно пьян. Кто-то сказал, что они утопились намеренно – сначала она, а спустя два дня он. Она была полькой, а он аргентинцем; ей было чуть за сорок, а ему пятьдесят четыре. У них был тихий, уютный пляжный роман. Они шептались о чем-то подолгу под одним зонтом, пили «Дайкири», сидели за одним уютным столиком в ресторане, за ширмой, в восточном, немного навязчивом, стиле, ночевали то в ее, то в его апартаментах. Однажды она зашла в воду и больше оттуда не появилась. Он напился в тот же вечер коньяку, потом повторил это на следующий день, а утром третьего дня, смертельно пьяный, захлебнулся в этой же огороженной сетью и берегом аквамариновой луже.

Со спасателей и береговой охраны спросили всерьез: уволили сразу восьмерых, включая двух шефов – спасательной службы и службы специального берегового наблюдения. Потерять такую работу – величайшая трагедия. Это как быть изгнанным из рая ангелом.

Я в те дни не работал – приболел и валялся в своем двухкомнатном служебном номере, поглощая россыпи разноцветных таблеток. За нами, за обслугой, неусыпно наблюдала специальная немногочисленная группа медицинского персонала: любое подозрение на банальную простуду – и мы попадали в беспощадный карантин. Дорогих клиентов нельзя подвергать риску заражения!

Так что тут мне повезло. А мог ведь тоже оказаться в числе восьмерых неудачников, ведь официанты входят в систему берегового наблюдения. Как и бармены, уборщики пляжной полосы, садовники, водители электромобилей, obsлyгa теннисных кортов, гольф-поля, пяти бассейнов, банщики в четырех банях, охрана вертолетных площадок, складов, ангаров, двух пристаней и даже кинозала.

Мы все наблюдаем за тем, чтобы нашим клиентам ничто не угрожало. Они должны быть здоровыми и довольными своим пребыванием в нашем раю, который даже на вездесущих картах Google виден лишь как молочное, туманное пятно.

Здесь ведь и Интернет, и мобильная связь, и мировая пресса, и телевидение, и радио строго лимитированы. Они предназначены лишь для очень узкого круга obsлyживающего персонала, с которого берут подписку о неразглашении того, что узнают на стороне или внутри комплекса. Клиентов решено было не беспокоить мировыми новостями. Пусть всемирная помойка бурлит и смердит далеко в стороне от райских куш нашего гигантского парк-отеля, нашего клуба счастья, этой синекуры избранных. Каждый клиент, а их всегда не более семнадцати богатейших и крайне одиноких людей, знал это правило: он может все, что пожелает, кроме связи с миром. С грязным, безжалостным, завистливым, ржавым, разлагающимся миром.

Женщин среди нашей клиентуры мало – всего пятеро, да и те в большей степени бальзаковского возраста. Не считая утопленницы-польки (ее звали – Ева Пиекносска³), здесь обитали две англичанки (Кейт и Джулия), украинка Олеся Богатая и испанка Мария Бестия⁴.

Сейчас на пляже, в стороне от всех, нежилая в тени самого широкого белого зонта загорелая пятидесятилетняя красотка, черноокая брюнетка Мария. Она взмахнула загорелой ручкой, и я тут же оказался у нее за спиной, тайком, с наслаждением наблюдая за великолепными шарами у нее под лифом плотного белого купальника. Голову даю на отсечение, она знала, что всякий мужчина, оказывающийся рядом с ней, не в состоянии оторвать взгляд от этого божественного великолепия.

Нам, obsлyживающему персоналу, эти естественные удовольствия строго запрещены. За такое можно поплатиться местом, как за утопленницу или утопленника. Но что я мог поделаться со своим либидо! Я же мулат!

– Бой! – произнесла она низким прокуранным голосом. – Закажите мне массаж по-тайски до обеда... в восточной бане, в турецкой. Кишасу туда покрепче, как я люблю, и виноград. И чтобы сахар только тростниковый, бразильский, в вазочке. Еще лимон, можно испанский. Да, и не забудьте, что для кишасы положены бразильские martelinho⁵... по пятьдесят грамм, не больше и не меньше.

– Слушаюсь, синьора! – Я еле оторвал взгляд от ее груди и тут же подумал, что сам бы с удовольствием сделал ей массаж.

Пятьдесят лет, а такая великолепная дама! Чуть полновата, бедра, может, слегка тяжело-ваты, ноги могли быть длиннее, но общее впечатление все равно умопомрачительное. И волосы – воронье крыло с синевой. А глаза... Чернее ночи эти ее глаза.

Но я всего лишь официант, мулат и милейший парень средних лет.

* * *

Утром следующего дня в своих апартаментах повесился здоровяк Иван Голыш. Он висел на длинном шнуре, оторванном от тяжелых гардин в гостиной. Шнур зацепил за трубу в малой

³ Pieknosc (польск.) – красота.

⁴ Bestia (исп.) – 1. Животное, зверь; 2. Невежа, тупица, болван.

⁵ Специальные рюмки для этого крепкого бразильского напитка. Означает буквально «маленький молоточек».

ванной комнате, накинул петлю на свою бычью шею и мужественно подогнул ноги. Когда его обнаружила горничная, он уже был весь синий и холодный.

В то утро я впервые увидел, как плачет Товарищ Шея. Но главное, я впервые увидел его трезвым! Товарищ Шея стоял на пляже один, лицом к ласковому, тихому морю, и слезы неудержимо катились по его серым щекам. Он даже не утирал их, а только громко хлюпал носом. В десятке метров от него сзади в своем пляжном кресле сидел старый немец, похожий на рептилию, и сокрушенно покачивал своей маленькой ядовитой головкой.

Все это очень удивило меня. Русские упрямо избегали взаимного общения, но, оказываясь, друг другу прямо-таки до слез сопереживали.

Нет, странный, однако, народ. При жизни готовы на всякую мерзость в отношении своего же соотечественника, а перед лицом смерти вдруг становятся до смешного сентиментальными и слезливыми. Мало того, они вдруг начинают самым жестоким образом мстить друг за друга. Поразительно!

Но вот что мне еще бросилось в глаза: лучше других все это о русских знают немцы. Поэтому, наверное, немцы с русскими то целуются в засос (помните эротичную фотографию Хонеккера и Брежнева?), то рвут друг друга на части (как Гитлер и Сталин). В кровь рвут, на куски! А потом опять целуются и пьют вместе. А еще любят вместе воровать и делить мир – это тебе, это мне... Одни ходят с точной логарифмической линейкой, а другие меряют пьяными шагами. А получается одно и то же.

Меня вызвал мистер Камански, наш утренний шеф, и попросил написать докладную записку о том, когда я в последний раз видел живым здоровяка Ивана.

– Почему я?

– Потому что только ты ему прислуживал в ресторане. Он предпочитал лишь тебя. Вас что-то связывало?

– Ровным счетом ничего. И потом... Когда я отсутствовал, за ним прислуживали другие.

– Они тоже напишут докладные записки.

Я пожал плечами, сел за маленький столик в углу его роскошного кабинета и написал, что в последний раз видел живым мистера Гольша вчера за ужином. Я, как обычно, подошел к нему и подал то, что он заказал, – русский винегрет, стакан газированной воды, свиную отбивную гигантского размера, потом яблочный пирог и чайничек черного английского чая. Он все смолотил за милую душу, словно собирался перекусить перед дальней дорогой. Теперь ясно, перед какой именно.

– Почему он называл тебя по-русски «Кушать подано»? – спросил Камански, поляк по происхождению, хоть и настоящий американец.

– Меня так называют многие. Я обычно подаю и говорю: «Кушать подано». На всех известных мне языках. Не только на русском. И называют клиенты меня так каждый на своем языке. Они сговорились...

– Они никогда ни о чем не сговариваются. Они презирают друг друга и в упор не видят.

– Видят. Двое видели. Они утонули.

– А этот повесился. Большая потеря для нас. Он был одним из самых состоятельных и щедрых клиентов.

– Не могу ничем помочь. Я не снимал для него шнур с гардин, не завязывал петлю, а он не оставил мне наследства.

В этот же день специальная бригада техников заменила во всех апартаментах механизмы для тяжелых гардин. В новых механизмах шнуров уже не было. А по-моему, их пеленать всех надо перед сном и связывать руки, как младенцам, чтобы не оцарапали себя случайно. Все-таки они очень дороги нам.

Мы без них никуда, а они – без нас. Мы связаны невидимой цепью их предыдущих жизней, которые свели всех их в нашем общем доме, на нашем «острове покоя». Не будь нас, давно бы уже не было их. Но не будь их, не появились бы мы.

Впрочем, я бы появился. У папы с мамой.

Кем бы я стал? Официантом, как теперь? Военным? Полицейским? Торговцем? Продавал бы штучный товар? Например, хорошеньких девочек и мальчиков? Или торговал бы наркотой?

Американца польского происхождения мистера Камански интересовало, почему я произношу чаще по-русски свое «кушать подано». Я же ответил ему, что не только «по-русски». Но ведь не из-за этого же повесился на шнуре от гардин Иван Гольш. И не из-за того, что не умеет попадать белым бильярдным шаром в строптивую лузу русского бильярда.

Может, ему просто надо было выпить один раз как следует со своим соотечественником, с Товарищем Шеей, и сейчас он бы не мерз в морге нашего лазарета, Товарищ Шея не ронял бы свои скупые слезы на пляже, в песок, старый немец не качал бы сокрушенно своей змеиной головкой, а глаза наших остальных немногочисленных клиентов не сочились бы тоской, за которой прячутся ужас и отчаяние. Они все сказочно богаты и фантастически удачливы.

Да, я говорю им каждый раз: «Кушать подано!»

Dinner is served!

Es ist gedeckt!

Vous etes servi!

Il pranzo e servitor!

Comer es dado!

Псти подано!⁶

Но впервые я это произнес по-русски. А потом пошло-поехало. Им всем понравилось!

Я – мулат. Мой родной язык – португальский. Моя первая родина – Бразилия. Моя вторая родина – Россия. Это потому что мой отец – чернокожий бразильянец, а мама – белокожая русская. Получился я – русский бразильянец.

Хотя во мне течет и африканская кровь – именно оттуда, из черной Анголы, португальцы привозили в Бразилию рабов. Однажды отец, когда мне удалось увидеть его и даже перемолвиться парой слов, сказал, что наш род происходит от народа овимбунду, с запада Анголы. Он при этом надувал щеки и многозначительно поигрывал бровями.

Я не произношу «кушать подано» по-португальски, потому что здесь нет клиентов ни из Португалии, ни из Бразилии, ни из Анголы. Я произношу это только на тех языках, которые представлены сейчас у нас.

Но обо мне потом. Может быть, это кому-нибудь и интересно – особенно дамочкам, не спускающим глаз с цветных. Они все время смотрят на мои штаны, на мои плечи, на мою грудь, на шею, на руки. Я хорош. В свой сорок один год я в самом расцвете мужской мулатской красоты. И все же – потом.

Единственное, что я скажу: по природе я человек очень внимательный, а мозги у меня устроены так, что они постоянно анализируют все, что видят глаза и слышат уши, и даже то, что чувствует моя смуглая кожа.

Эти люди, тоскующие здесь по оставленному ими миру, друг другу не доверяют ни на йоту, а вот нам, безгласной, глухой и слепой прислуге, порой сообщают о себе такое, в чем не сознались бы даже самим себе. Я спрашиваю себя: «Почему?» И отвечаю: «Мы их единственное оконце в прошлое, одушевленные дневники, неотвратимое настоящее, и мы – молчуны».

⁶ Кушать подано: перевод на *англ., нем., фр., ит., исп., укр.*

Мне приходилось слышать от проституток, что есть особая категория клиентов, которые платят за час или даже за ночь лишь для того, чтобы излить изболевшуюся свою душу, а не опустошить свои яйца.

Одна такая, звали ее Мадлен, рассказывала, что к ней раз в месяц приходил крепкий на вид мужик, французский военный моряк, и всю ночь, обняв ее за обнаженные бедра, повествовал о том, как страстно любит свою легкомысленную жену-немку, как несчастен в браке и как не представляет себе жизни без той потаскухи. Он так увлекался, что начинал называть Мадлен именем жены – Эльзой. Он признавался ей в любви, корил за бесконечные измены, обещал убить, потом просил прощения, безутешно рыдал, размазывая по роже сопли и слезы. И наконец засыпал в объятиях проститутки, даже не стянув с себя штаны.

Она как-то решила проверить, способен ли этот француз на обычный коитус. Может, в этом его проблема? Дождалась, когда он заснет, и со свойственными ей изяществом и любовным опытом (мне-то хорошо известно, на что способна умопомрачительная Мадлен!) проникла к нему в штаны. Реакция наступила мгновенно и более чем великолепно. Он очнулся в самый пикантный момент, глубоко вздохнул от наслаждения, а спустя минуту врезал ей по уху.

Больше он не приходил. Видимо, решил, что она не достойна его тонкой душевной организации, потому что вколачивать свой член он мог в любимую супругу-изменницу, в любую другую довольную этим бабу, а вот доверить себя мог лишь девственнице – пусть не в прямом смысле, а лишь – купленной «девственности» по заниженной цене доступного общественного влагалища.

Ее это чрезвычайно оскорбило. Как же, платит за влагалище, а лезет в душу, во всяком случае, навязывают свою. А тут ведь уже другие расценки! Он понял, что его раскусили, и вмазал ей кулаком в ухо. Она еще месяца полтора ни черта не слышала им – была повреждена барабанная перепонка. Правда, француз бросил в постель ее месячный заработок, и она, утерев кровь, не решилась жаловаться на него администрации борделя.

Так вот, мы тоже для наших клиентов своего рода проститутки. Мы не лезем к ним в штаны или под юбку, а они требуют от нас девственности – молчаливой и сочувствующей.

Парк-отель, где я работаю и живу в двухкомнатном служебном номере, уникален. Думаю, он единственный в своем роде и известен в очень узком кругу как парк-отель «Х». Понять, что это, можно, лишь если приглядеться к нашим постояльцам.

Тут, как ни странно, нет VIP-клиентов и VIP-зон. Все потому, что здесь все поголовно VIP-клиенты и все вокруг VIP-зона – от строго охраняемого периметра этой гигантской территории, девственно чистой прибрежной полосы и даже воздушного пространства. Семнадцать огромных апартаментов предназначены семнадцати постояльцам, ротация среди которых является вопросом особой политики нашей администрации. Я беру на себя смелость (а скорее, неосторожность!) рассказать о некоторых наших клиентах, но я никогда, даже под угрозой четвертования, не стал бы откровенничать об администрации и принципах ее существования. Кому она подчинена, как и кем назначается и кто в действительности владеет всеми этими богатствами – вопрос до такой степени закрытый, что только безумец стал бы об этом не то что рассуждать, но даже просто фантазировать.

Когда я исчезну (а это непременно случится в один «прекрасный» день), после меня ничего на свете не останется. Даже памяти! Но я убежден, что мы – это наши дела. Все сотворены по одному образцу и мало чем отличаются друг от друга. Только делами!

Я уже стал частью деловой биографии тех, кому я много лет говорил «кушать подано», потому что они помнили меня, пока были живы, хотя и считали бессмысленным существом наподобие проститутки Мадлен.

Так обычно относятся, например, к муравьям. Увидят какое-нибудь слабенькое, невзрачное создание неопределенного цвета, ползущее ниоткуда в никуда, и совершенно бездумно раздают его пальцем. Потом даже руки не вымоют, настолько им безразлична никчемная жизнь

этих крох. Только малые дети, душа которых еще не замутнена самовлюбленным осознанием своего человеческого величия, вдруг с замиранием сердечка упадут на животики рядом с ползущей молчаливой божьей тварью и изумятся тому, что, оказывается, есть на свете еще какой-то невидимый мир, в котором живут и страдают крошечные живые существа. Но дети быстро взрослеют, и вот их окрепшие пальцы уже давят все, что мельче их.

Итак, я начинаю ткать своего рода коврик. Нити его состоят из чужих воспоминаний и из моих впечатлений, а вот узелки скрыты на уродливой тыльной стороне.

Если кому-то вдруг покажется, что орнамент на коврике чем-то напоминает политическую карту мира, немедленно забудьте это. Все абсолютно случайно! Одни лишь ничего не значащие совпадения.

Но, главное, все же детали, потому что дьявол скрывается, как известно, исключительно в них. Ведь любая карта ценна именно деталями. Чем она подробнее, тем ценнее.

Мой первый рассказ о том, почему вдруг повесился на шнуре от гардин в своих безумно дорогих апартаментах один наш состоятельный клиент. Об Иване Голыше, огромном русском парне с бритым черепом, маленькими нервными глазками и со светлыми усиками под мясистым носом. Он не умел играть в свой русский бильярд, зато очень многое другое, что привело его к нам, делал блестяще.

Иван Голыш

Иван рассказывал мне, что родился он в семье обыкновенного шофера и портнихи маленькой провинциальной фабрички по пошиву рабочей одежды. Кроме него, то есть Ивана, была еще старшая сестра. Звали ее тоже очень по-русски – Надей. Я вообще-то имена и даты запоминаю плохо, но уж что помню, то помню. Тем более эта самая Надя потом сыграла в судьбе Ивана такую важную, даже роковую роль. Так что хочешь не хочешь, а имя запомнишь.

Папаша у Голышей был человеком обыкновенным для России – не в меру пьющим, не в меру молчуном, не в меру скандалистом, но и не в меру беспомощным. Думаю, он был очень завистливым и страшно страдал от безысходности своего полуживотного существования. Оттого и пил, и дурил, и лупил всех подряд, и молчал, как немой, даже когда требовалось сказать хоть словечко.

Многие принимают молчунов за умных. Они и сами так думают. На самом деле любое животное – молчун: из него ведь ни слова не выжмешь, хоть лопни! Если верить материалистам (я им сам не очень-то доверяю), то человек стал человеком, когда взялся за орудия труда. То есть не рвал все когтями и клыками, а приспособил для этого природные инструменты. Может, так оно и есть, а может, и нет. Все-таки, мне кажется, человек окончательно отошел от своего косматого предка, когда впервые смог выразить членораздельными звуками свою мысль. Потом слить эти звуки в слова, слова соединить в предложения, а дальше составить из предложений разумные и не очень речи, написать разные бумаги, сочинить законы, которые сам же мог нарушать. Именно – нарушать! Потому что зверь никогда законы природы, по которым существует он и все, что его окружает, нарушать не станет, ведь он их не сочиняет, а живет по ним. На это у него табу! А вот для человека никаких запретов нет.

Разве не в этом наше главное отличие, как и в том, что человек выражает себя не столько делом, сколько словом? Пусть даже уродился немой, все равно слово, не высказанное, а лишь написанное или обозначенное условными движениями и особыми знаками, есть его главный признак отличия от животного. Потому-то у человека нет никаких табу! Он ведь всегда может оправдаться или наврать.

Мне когда-то, очень давно, все это рассказывал учитель в школе в Сан-Паулу. Любил порассуждать про орудия труда. Этот молодой человек почему-то считал, что из нас, из отвязной шпаны в двух нищих кварталах, можно что-то приличное слепить. Из всех «орудий труда» тем не менее мы знали и держали в руках только нож, пистолет, кастет и презервативы.

Он, этот наш очкарик-учитель, у которого голова была похожа на стог прелого сена после бури, каждый день пытался вколотить в наши обезьяньи башки, что бог не мог быть изобретателем этих орудий. А вот ручка, бумага, книга, глобус, атлас и прочая ерунда – если и не его изобретения, то уж точно подсказаны им людям. Он был убежден: все, что постоянно находится в наших карманах и всегда готово к применению, выдумано сатаной.

Я уже стал склоняться к этому, но однажды учителя самого застали в постели с малолетней дочкой хозяйки квартиры, где он снимал малюсенькую комнатуху. Бедолагу выволокли на глазах у всех на улицу, и отец той девчонки просто зарезал его.

Вот вам и глобус! Вот вам и книги, и бумага, и ручки, и даже его дурацкие очки! Как такому лжецу верить?

А девчонка, когда подросла, стала санитарным врачом, ушла делать бизнес в страховую компанию и уперла у стариков из нашего и двух соседних районов все деньги, которые они откладывали на старость и на лечение. Потом сбежала с любовником, юристом из Рио, в США. Кажется, в Лос-Анджелес. Этот юрист, настоящий прохиндей, лихо открутил ее от суда. Говорят, они дали взятку одному типу в судебной коллегии, и тот объявил, что старики сами же и виноваты во всем. Дескать, нечего было уши развешивать и подписывать важные бумаги не

читая. Там мелким-мелким шрифтом, оказывается, было напечатано, что все их сбережения при определенных условиях переходят в пользование страховой компании. А вот когда наступают эти «условия», решали тот юрист и та девчонка.

Что тут скажешь... Она ведь в карманах и в сумочке ножей и пистолетов не носила. Презервативы, наверное, были, а оружия – нет. Зато уважала глобус, ручки, бумагу и умные книжки.

Так кто и что изобрел? Бог или сатана? А законы кто якобы чтит и кто их умел изящно обходить? А иной раз даже просто перечеркивать! Вот то-то и оно...

Что касается папаши нашего Ивана, он с великим трудом перешел в первое состояние человека разумного, то есть «*Homo sapiens*», о котором постоянно говорят очкарики-материалисты, а именно: приспособил к своим рукам технические орудия. Например, руль грузового автомобиля. А дальше – остановился.

Никогда бы не вспомнил об этом, если бы Иван, рассказывавший мне (как француз той проститутке Мадлен) свою историю, сам бы не назвал своего папашу «вшивым орангутангом».

Иван пошел в него ростом, силой, раздражительностью и мстительностью, а еще завистью. А ведь зависть может как разрушать, так и созидать. Не знаю точно, почему это происходит. Скорее всего, оттого, что за этим следует – пепел или закаленный в огне камень. Так мне в слезах говорил когда-то один старик – чернокожий художник, которому сожгли картины накануне его единственной выставки в Рио. Он эти картины всю жизнь рисовал, бедняга.

Так вот, Иван пошел в отца, в том числе в зависти ко всему на свете. Отец, однако, переживал все молча, сжав зубы. А вот Иван молчуном не был (дерзил даже отцу), за что не раз получал от папаши увесистые тумачи. Однажды тот даже зуб ему вышиб, правда, еще молочный.

Сестра же его, Надежда, была хрупкой, миловидной и умненькой. Она была старше Ивана на три года и внешне походила на мать. Хорошо строчила на швейной машинке, помогая матери зарабатывать на левых заказах от соседей и случайных знакомых. Вокруг нее всегда крутились понимающие в женском обаянии многоопытные мужчины, что, по-моему, вызывало у Ивана почти неконтролируемые приступы ревности. Он и сам не понимал, что это за чувство такое!

Когда Иван рассказывал мне все это, его маленькие глазки заметно теплели. Он любил и мать, и сестру. Жалел их по-своему, считал себя их единственным защитником.

Жила семья Гольшей в малюсеньком провинциальном городке районного значения. Где-то недалеко от Смоленска. Он называл городишко, но с памятью на имена и названия у меня большая проблема. Не укладываются они в моей цветной голове. А тут все-таки странные русские названия. Они что-то означают, но мне это неизвестно.

Вот моя мать, например, была из Сибири. Из города Омска. Там мой папа, инженер по каким-то станкам, черный бразильянец родом из Сан-Паулу, и нашел ее в студенческом общении. Это все я запомнил, а вот откуда именно были Гольши, хоть режь меня, нипочем не вспомню! Знаю точно лишь то, что где-то в районе Смоленска, и все.

Иван рассказал, что однажды он в очередной раз сильно поссорился с отцом, перед самым призывом на действительную службу. Между ними случилась драка, да такая, что Ивану отложили призыв на полгода: образовалась трещина в ключице, и были сломаны два пальца на правой ноге.

Что такое русский армейский призыв, я тоже точно не знаю, но, если судить по собственному опыту в Бразилии, вряд ли служба в вооруженных силах в обеих странах сильно отличается. Я служил год и вовеки веков не забуду! Еле ноги унес! А у нас ведь океан теплый и погода куда комфортнее, чем в России, где еще и океаны ледовитые, а погоды ядовитые! То зной, то холод! А если уж дожди зарядят – держись! И мать, и отец рассказывали. Они, пожалуй, только в этом совпадали друг с другом.

Иван все же в армию попал и пробыл там не два года, как у них положено в сухопутных войсках, а три. Это потому, как он мне объяснил, что служил на Северном флоте. Один раз сказал, что где-то недалеко от их ледяного города Мурманска, а потом упоминал еще и Новую Землю.

Они, русские, почему-то все время доказывают миру, что льды Северного Ледовитого океана, аж до самого полюса, их Родина. Там минус шестьдесят градусов по Цельсию почти круглый год, ни один человек не может выжить, а они готовы за это биться до смерти!

Тут, конечно, что-то другое – не то нефть, не то газ возлежат там на страшной черной глубине, а еще определенно есть что-то, связанное с военной доктриной. Я бы не стал так думать, если бы не шлепнутые американцы, канадцы, норвежцы и даже тихие датчане тоже бы не претендовали на этот полюс вечной мерзлоты.

Вот там и служил моряк Иван Голыш. Там и закалялся. А потом, много-много позже, повис у нас, в теплом краю, на шнуре от гардин.

За три года его службы папаша сильно сдал, и когда Иван наконец вернулся, тот уже был совсем не тем злобным и сильным мужиком, который провожал сына во флот тычками и пинками под задницу. Да еще ключицы и пальцы ему ломал!

Да и мать заметно состарилась. Досталось им с сестрой Ивана за те три года от стареющего монстра-папаша!

Иван решил не оставаться в их нищем городишке, тем более тогда в России многое уже поменялось. Вроде бы и страны уже такой не стало, то есть СССР. Все скукожилось, сжалось, окончательно обнищало. В общем, уходил Иван служить в одной стране, а возвращался со службы уже в другую. Кроме того, он не хотел жить в маленьком городе, в котором и нормальной-то работы нет. Тут и раньше ничего путного нельзя было найти, а теперь-то уж и подавно.

Мне лично это знакомо. У нас ведь так же: маленький город – это почти приговор к нищете. Никуда толком не устроишься, разве что запишут в какую-нибудь шайку и, если не грохнут на уголовных разборках, непременно упрячут на полжизни в тюрьму.

Я как-то попал в такой же переплет в нашем огромном Сан-Паулу. А случись это в провинции, точно бы пропал! Там ведь все на виду, под кустом не спрячешься. А тут Россия...

Словом, уехал Иван Голыш в Москву, а через три месяца туда прибежала и его сестричка Надя. Вся в соплях, в слезах. Рассказала, что папаша их начал очень сильно пить, лупит мать, а та боится его и даже к ментам не обращается.

Иван пригрел сестренку в общаге, где сам только накануне пристроился, и поехал в их славный городишко договариваться о новых правилах поведения с отцом.

Как они там договаривались, я не знаю, но результатом стал арест Ивана за жестокое отношение к родителям (это он мне так сам сказал). Насколько я понял, жестокое отношение было к одному из родителей. Однако этот родитель вскоре сам пришел к ментам и попросил прекратить дело.

Чем там закончилось, не знаю, но к судьбе папы с мамой он в своих рассказах больше не возвращался. Думаю, померли они после этого очень скоро.

В России вообще это дело, как я понимаю, обычное и очень частое. Один моряк, русский, мне рассказывал, что похоронил мать на кладбище, на новом участке. Там, кроме могилки матери, было еще с десятков, не больше. Городок у них тоже не очень большой. Так вот, через семь месяцев он приехал, пошел на могилу и рот разинул от изумления. Он ее с трудом нашел – вокруг кладбище разрослось так, словно атомная война прошла. Мрут и мрут! Будто им больше делать нечего.

В России все это время что-то очень странное происходило, пугая весь мир и даже порой забавляя его. Пугались, когда соображали, что в руках этой гигантской страны ядерные боеголовки и ракеты, а забавлялись, когда обнаруживалось, что свои боеголовки и ракеты они сами же не знают, куда девать, и вообще, что с ними и с собой дальше делать.

Мне непонятно, как Иван Голыш, человек без образования, без прошлого, без будущего и с сомнительным настоящим, вдруг попал в руководство какой-то промышленной компании и занял там место главного охранника или что-то в этом роде. Мне кажется, дело в его сестре Наде.

По всей видимости, именно ей, женщине несомненно умной и обаятельной, попался на пути влиятельный человек, и она, одарив того особым вниманием, поделилась интимным успехом с братом Голышом.

У нас такое тоже иногда случается. Женщина ведет за собой стаю сильных агрессивных хищников и в какой-то момент выбирает из них для себя вожака, а он, в благодарность за то, что оценен в серьезной конкурентной среде, платит золотой монетой. Даже президентами становятся такие бабы в Латинской Америке! Уж не говоря про первых леди...

Голыш показал мне однажды фотографию его сестры Надежды. Действительно впечатляет! Небольшая, даже компактная, с умненькими карими глазками, правильным носиком, будто нарисованными аккуратными губками, впалыми милыми щечками с ямочками, ладненькой фигуркой и роскошной копной волос каштанового оттенка.

Но главное, все-таки мозги! Они у нее через глаза просвечивали.

В отличие от братца, Надежда успела поучиться за эти годы в университете на филологическом факультете, овладеть двумя языками и даже сесть за научную работу. Очень скоро они разъехались из общежития – он в огромные апартаменты в центре их столицы, а она – в миленький коттедж, подаренный ей одним страшно важным и влиятельным типом. Замуж не вышла, но, по-моему, она к этому даже и не стремилась. Иван не сказал, но я догадался: тот был женат и, возможно, имел наследников.

Иван же оставался холостяком. Вокруг него в это время крутилось немалое количество очаровательных хищниц. Но все останавливались и тут же стачивали зубки, как только появлялась Надя.

Как-то он сказал мне, вспоминая первые свои успехи:

– Я с самого начала очень, очень, очень хотел денег! И чем дальше, тем больше хотел. А когда их становилось действительно больше, я хотел еще больше. Прямо паранойя развивалась. Это не просто алчность. Это сумасшествие. У кого-то тихое, что крайне редко, а чаще все-таки буйное. Сначала я думал, главное – это деньги, даже единственное, а все остальное не имеет смысла, остальное просто мур. Но когда денег стало действительно очень много, так много, что они уже переливали через край, я бросился скупать активы различных предприятий, в том числе не имеющих ни малейшего отношения к нашей промышленности. Это были и всевозможные массмедиа, и огромные концертные площадки, и стадионы, и даже одна наша и одна испанская футбольные команды. Я не мог себе уже представить визуально всего объема денег, которых я лично стоил. Даже ради прикола попросил одного из близких помощников посчитать, во сколько грузовых вагонов бабки, в которые я оценивался, могли бы поместиться. Получился целый состав. И тогда деньги вдруг стали для меня просто коэффициентом успеха: чем больше таких виртуальных вагонов, тем выше мой личный коэффициент. О политике я сначала не думал. Но кое-кто явно думал за меня.

Когда я это от Ивана услышал, очень удивился точности такого наблюдения. Ведь он вроде бы малообразован, простоват. А такой тонкий анализ!

Думаю, именно в это время около него появились прагматичные и очень неглупые люди, которые поставили на него не только как на перспективного скакуна – фаворита своего рода, но и взялись развить его интеллектуальные способности. И даже как-то образовывать его. По существу, он, видимо, был одарен природой, как и его сестра.

Его предыдущий образ жизни, несложное происхождение и то, в каких обстоятельствах он оказался в будущем, с одной стороны, воспитывали в нем сильного, безжалостного зверя, а с другой – приучали к тонкому анализу. Это все равно как образовать вождя племени людо-

едов. Дикаря непреодолимо тянет жрать человечину, однако уже появляется чувство брезгливости и, главное, понимание этого. Ведь важно не столько само чувство, сколько осознание его. Чувства, наверное, есть и у животных, а осознание их – только у людей. Вот еще одно наше отличие! Это я опять вспомнил учителя-очкарика с его теорией о том, что в нас от бога, а что от сатаны.

Но с Иваном мы все-таки очень похожи. Многое мне в нем понятно и близко, потому что я сам происхожу из плебеев, хотя у меня и мать, и отец когда-то получили образование. Однако матери оно не понадобилось, а отец жил так далеко от меня, что его будто и вовсе не было. А вообще он на меня плевать хотел! Так что я тоже из плебеев. Если родители, кем бы они ни были, плюют на своих детей, они настоящие плебеи. И их дети плебеи, и внуки. Они все обречены!

У меня кое-что в жизни однажды поменялось. Правда, довольно поздно. Но тем не менее я знаю, что такое оглянуться назад и увидеть другими глазами то, что раньше даже не колыхнуло бы. Не могу сказать, что это истинное «прозрение», но все же лучше, чем ничего.

От Ивановой жизни моя отличалась еще и тем, что у меня никогда не водилось столько денег, сколько у него. Но ведь на меня ставили совсем другие люди и учили не тому, чему учили его. Мои клыки затачивались не для того, для чего затачивались его клыки.

Зато я теперь тот, кто я есть, а он повесился на шнуре.

Однако вернемся к нему – пока еще живому.

Вскоре Иван стал вице-президентом громадной промышленной компании и даже возглавил совет директоров гигантского объединения заводов, соизмеримого по объему произведенной продукции со средней европейской страной. И все Надя! Да, именно от нее все и пошло.

Вдруг обнаружилось, что у Ивана, оказывается, есть образование магистра в какой-то русской высшей школе. Я не без удивления посмотрел на него, когда он, страшно смущаясь, сказал мне об этом. Но тут же отмахнулся и промывчал, типа, у них так принято: есть большая должность – должно быть большое образование. А как и что – дело десятое. Но когда он мне пытался что-то нарисовать или написать, я понял, что в его лапе даже золотой «Паркер» неуместен. А голова тем не менее работала явно неплохо.

Так часто удивляет зверь – отвратительный оскал пасти, и вдруг ошеломляющая ясность в умных, мелких глазах. Я часто видел подобное, и не только у русских. У нас, в Южной и в Центральной Америке, это в порядке вещей. Это вообще свойственно тем местам, где важную роль порой играет не происхождение, а реальная способность выдающейся личности выжить в чудовищных условиях каменных джунглей, нефтяных прерий, дремучих лесов безграмотности и нищеты, лагерной тайги. Поэтому там криминал играет первую скрипку. Ярость оскорбленного зверя и интеллект человека, заключенные в одном сильном теле. Это даже, скорее, правило, нежели исключение. Отсюда и революции в «слабых звеньях» надменных держав, и гражданские войны, и кровавые подавления тех же революций вчерашними их вождями. Именно так и есть – кровавый звериный оскал и умные глаза безжалостного хищника.

Так что Иван Голыш не был особенным. Если бы не он, был бы кто-нибудь другой или другие. Хотя вот английский язык он с трудом постигал несколько лет. В конечном счете он заговорил с жутким акцентом, однако смело и образно.

Как и что там развивалось дальше в его финансовой карьере, не знаю. Но вскоре он уже не отвечал ни за какую безопасность, а строил самую что ни на есть промышленную гиперимперию, строительным материалом которой были бешеные деньги и политическое влияние его патронов.

Начались скандалы, загремели выстрелы, народ стали отстреливать. Отстреляли в конце концов и президента их компании. Иван сразу занял его бриллиантовый трон.

Когда он мне это сказал, я посмотрел на него с недоверием и, может быть, даже со страхом. Он тут же поднял вверх две свои гигантские ладони и, нисколько не смущаясь, заявил:

– Ко мне это имело такое же отношение, как и к каждому члену совета директоров. То есть я не принимал самостоятельных решений... тогда еще. И действовал так, как решит уважаемое общество. В конечном счете я же не нанимал убийц, не платил за это деньги... Какие ко мне претензии?

Это мне напомнило историю, случившуюся в Сан-Паулу лет двадцать назад. Я тогда еще был юнцом. У нас один крутой перец подмял под себя целый район – доил его так, будто это корова в его скотнике. Меня сделали его охранником. Почему меня, не знаю. Ну, крепок, ну, с отмороженными мозгами подростка (я из-за плохого образования и дурной компании сильно отставал в развитии). Но стрелять, бить ножом, вязать петли, поджигать и вершить прочие мутные дела я как следует тогда еще делать не умел. То есть делал кое-как, по-дурацки, в общем, делал. Дважды чуть не попался – сначала копам, а потом конкурентам. А тут этот крутой перец берет меня в охранники. И еще троих таких же отморозков. Через полгода предлагает стать его заместителем в одной сатанинской фирмочке, через которую проходили немалые суммы от торговли проститутками-иностранками, в том числе из России и Украины, и колумбийской наркотой.

У меня появилась тачка, белая, с откидным верхом, вся в бордовой коже, в дереве. Квартиру мне сняли в самом центре, костюмов накупили аж дюжину. В общем, я тоже стал перцем!

А тут однажды моего благодетеля взяли да пристрелили. Да не кто-нибудь, а двое продажных копов, которые работали на одного из наших конкурентов. Вроде как приехали пригласить его на допрос, а он заартачился. Ну и вlepили ему полную обойму в голову.

Не стал бы он артачиться! У него адвокаты были прямо звери какие-то! Один бывший прокурор даже. Их все боялись.

И что вы думаете, я сделал? Правильно! Сразу дал тягу! Бросил и квартиру, и автомобиль с кожей и с деревом, и костюмы эти чертовы, и даже в банк не заскочил перед отъездом. Меня там точно с нетерпением ждали. Возможно, те же копы. Просто я сел на один маленький кораблик и уплыл в Нью-Йорк, где жил папин дальний родственник, врач-психиатр. Он и сам был сумасшедшим старикашкой. Я у него в клинике устроился работать санитаром, в Нью-Джерси. Там, в Штатах, и пересидел семь лет, пока в Сан-Паулу не забылась вся эта дрянная история. А когда вернулся, узнал, что и конкурента пристрелили, и следующего потом, и еще двоих. Обо мне, конечно, в такой кровавой каше все давно забыли.

Поэтому я более или менее понял то, что мне рассказал Иван, но вот почему он не дал деру сразу, когда хлопнули его шефа, не знаю. Выходит, сам хлопнул? Я, конечно, понимаю разницу в масштабах: Бразилия – Россия, шайка по торговле всякой дрянью – и крупная великосветская банда по производству и торговле чем-то очень важным и большим. Но все же, как говорил старый тощий немец в нашем парк-отеле, герр Штраус, алгоритм один и тот же. То есть формула верна как для мелких дождевых червяков, так и для крупных питонов. Поэтому я имею право делать выводы. У меня тоже есть свой опыт, какой-никакой. И позитивный, и негативный. Как мои белые зубы на фоне кожи цвета замши.

А тут в России стали происходить очередные события. Они сильно повлияли на расстановку сил в той части общества, которое, по существу, все и решает. Что-то там с родиной моей матери стало твориться роковое. Один президент, престарелый, забавный такой, под самый Новый год у всех слезно попросил за что-то прощения и благополучно смылся. Я когда-то видел по «ящику», как он в Германии дирижировал спяну каким-то оркестром и танцевал, а еще, как в Белом доме в Вашингтоне над ним хохотал до слез весельчак Билли. Билли вообще-то и сам был хорош! Но этот куда лучше!

По словам Ивана, того президента попросили отскочить в сторону от кормушки, но он настоял, чтобы у раздаточного прилавка остался кто-то из его родни или друзей. У нас такого не бывает! Приходят генералы и бьют по жирным мордам. Потом кто-то бьет по их мордам. Треск стоит страшный! И никто не хохочет, хоть оркестрами и дирижируют. Тут у нас, конечно,

разница. А у них, то есть на далекой маминной родине, больно щиплют под столом, до синяков, до крови, и шипят, как змеи.

Тогда от их стола отвалились многие. Разбежались по всему свету, стали письма писать, жалобы, угрожать. Кого-то посадили надолго, кому-то посоветовали дать деру, как я тогда метнулся в Нью-Йорк к сумасшедшему родственнику-психиатру. Кто не понял намеков или не поверил, тот сел. Надолго.

А еще тот, кто приходит на смену Первой Заднице, обычно сразу вычисляет самого вероятного конкурента, то есть, по существу, Вторую Задницу, и тут же отправляет его за решетку. Очень далеко!

У нас тоже так часто бывает. Конкуренция – она и есть конкуренция! Как в животном мире, так и у людей. Не признавать этого – значит противиться природе.

Но у людей это выражено по-своему. Скажем, если у кого-то много денег, а он не собирается ими делиться или же ставит особые условия, их просто отнимают. По возможности все. При этом непременно делают вид, будто все по закону.

А как же, конечно, по закону. По закону природы, если хотите. Ну и что с того, что не в мире зверей, а в сообществе людей! Один суд накладывается на другой, соответственно и тюремные сроки растут. А если обнаруживается множество друзей, то и им находят место где-нибудь подальше. Например, вблизи вечной мерзлоты.

Получается, в их стране всегда два «царя», как два полюса: плюс и минус. Один – на троне, другой – на нарах. За того, кто на троне, руками и ногами (не обязательно – головой) перепуганное насмерть разношерстное большинство, а за того, кто на нарах, – настороженное, хоть и просвещенное, меньшинство. Один как мышцы эпохи, а другой как совесть, то есть дух. А вот что нужно народу – мышцы или дух? Я не знаю.

У них, в России, уже был такой случай в истории, когда двое вдруг поменялись местами: тот, что был на троне, пошел на нары, где его потом благополучно шлепнули вместе со всей семейкой, а тот, что был на нарах и в эмиграции, пересел на трон. Известно, что из этого вышло! Мир содрогнулся. Лучше бы уж каждый оставался на своем месте, честное слово!

А еще у них всегда имеются важные, незаменимые сумасшедшие. Но их не сразу разберешь. Это потому, что они вместе со всеми идут в политику, а там ведь все поначалу выглядят более или менее одинаково. Это уже потом становится ясно, у кого из них еще с рождения крыша поехала.

Возьмите, скажем, Александра Македонского, или вот еще – Чингисхана, или Наполеона Бонапарта. Да хотя бы и Гитлера, Сталина, Муссолини, Франко, Мао или даже этого упыря Ким Ир Сена, или, например, Фиделя Кастро... С добром ведь будто все поначалу идут. Кроме как о справедливости, ни о чем больше и не говорят. Только люди уши развесят, а они хлоп по планете кулаком (да даже пусть лишь по своей собственной земле!), и из нее, как из рождественского поросенка, кровь брызжет. Хорошо еще, когда такие только на вторых ролях оказываются, а если – на первых...

Это мне все именно так Иван Голыш говорил. Возможно, и его бы самого постригли на целую голову, как некоторых непонятливых. Но он увернулся.

У меня мама, как я уже говорил, из Сибири. Она мне про тамошние красоты время от времени даже что-то рассказывала. Но в Сибири есть еще одна уникальная особенность – лагеря для тех самых непонятливых.

Я ведь в Сибири и родился – у белой мамы и у черного папы, бразильского инженера, которого почему-то именно туда послали немного подработать. Замшевым я получился, необычной расцветки для ослепительно белых русских снегов. Но я не помню этих снегов, потому что меня увезли в Бразилию совсем еще маленьким.

А ведь русские, которых укорачивают на голову, все местные! Что же они намеков-то не понимали?

Иван как раз понял. И сразу слинял в Англию. Правда, сначала полгода пожил в Швейцарии, в Женеве. И только уже потом решил, что в Англии лучше. Именно в это время он стал крепко выпивать и почти втянулся в это легкое и вольное дело. Однако что-то внутри него крепко нажало на тормоза, и он вообще отказался от спиртного. Вокруг все думали, что Иван в прошлом алкоголик, а он никого и не разубеждал.

Может, он и был алкоголиком по рождению, но вовремя сам об этом догадался и надавил себе на глотку. Потому-то, проживая уже в нашем парк-отеле, он с такой брезгливостью относился к постоянным запоям другого русского – Товарища Шеи.

Однако вернемся в те годы.

К нему в Англии подкатил беженец из России, сказочно богатый тип. Этот неутомимый интриган предложил употребить все силы и средства, чтобы тех, кто им намекал уплыть из родины подальше, тоже выставили из России. То есть поменаться с ними местами.

Иван сказал мне, что сначала он тоже очень сильно рассердился, ведь столько риска было на родине, столько крови там утекло, столько денег прошло через его руки, что обидно было до слез все это терять. Поэтому он поначалу и снюхался с тем интриганом.

Кроме того, привычка срывать банк, вопреки правилам и лишь благодаря близости к высшей власти, тут оказалась почти неприличной. Впрочем, и здесь подобное иной раз происходило с местными выскочками и прохиндеями, но рано или поздно другие выскочки и прохиндеи хватали их за задницу и тянули в тюрьму на целую человеческую жизнь, а то и на несколько. Там же, где привык жить и хватать все, что плохо лежит, Иван, тюрьмы можно было избежать. Для этого необходимо было не отступать от двух обязательных условий: делиться (это первое правило), и делиться только с конкретными людьми, надежно держащими политическую власть в своих крепких руках (это – второе условие). Стоило нарушить первое правило, а следом за ним почти автоматически – второе, и вот ты уже в беде.

Когда-то тот властный приятель его сестры сказал Ивану:

– Советский социализм отличался от западного капитализма одним принципиальным условием: у них деньги делали власть, а у нас власть делала деньги. Социализма не стало, мой друг, а принцип сохранился. Не стоит с этим конфликтовать. Себе дороже. Это ведь система, а не просто внутренний договор. Целая система, с которой уже давно согласились все. В том числе западные партнеры. То есть с нами они стараются играть по нашим правилам. Потому любая эмиграция в их сторону – дело ненадежное и всегда временное.

Но Иван это на какое-то время забыл, тем более тот интриган развивал совершенно другую теорию – собственную, лукавую. Впрочем, он всегда был человеком лукавым.

А тут прилетает на помеле из Москвы сестрица Надежда. Свеженькая такая, не тронутая неприятностями, даже наоборот, прямо-таки цветет. Оказывается, ее главный доброжелатель и сердечный друг теперь уже очень комфортно сидит у подножия трона и страстно лобызает главную ручку. Она и говорит братцу своему, дескать, хватит лить слезы и якшаться с разными шутами, особенно с отставными, потому что в жизни еще не все сделано и не все от нее взято.

Стал Иван Голыш задумываться – как тут быть. С одной стороны, Надя клянется, что ее приятель соорудит нашему Ивану крепкую «крышу». У них есть такое выражение. Мы бы сказали не так. Но они говорят только так. А с другой стороны, денег у него полным-полно, на сто жизней хватит, и чего от добра добро искать?

Надя стала нервничать.

– Ты, – говорит, – со мной совсем не считаешься! Я тебе все это устроила, а ты сразу полез со своей признательностью к тому старому уральскому пьянице, который дирижировал иностранным оркестром под хохот всего мира, да еще потом потешал американского президента в Белом доме. Спьяну, как всегда! Теперь вот и у меня будут неприятности, – сказала она. – И у моего друга. А нам они совершенно ни к чему.

Очень кстати в это время в Англии умер скандальный русский парень: то ли его свои отравили, то ли чужие, но парень этот был связан с тем отставным интриганом.

Там вообще-то запутанная история, грязная. О ней много везде писали, говорили, выступали политики, дипломаты, разведчики, прокуроры. Но все это так ничем и не кончилось. И главное, не кончится! Ведь вся цивилизованная история человечества неразрывно связана с жестокими отравлениями и резней во дворцах. Травили и резали царей, королей, принцев, принцесс, их придворных, верных слуг и даже рабов. А кого не успевали отравить или зарезать, вешали, душили, обезглавливали, топили. И ничего, человечество продолжало жить и даже не особенно тужить.

Важно, чтобы это происходило не с тобой, а с кем-нибудь другим, очень далеким. Но когда это вдруг случается с кем-нибудь близким или хотя бы находящимся с тобой в одном пространстве, делается не по себе.

Иван смекнул, что пора выбирать, с кем ты и для чего.

У нас тоже был такой случай. В Нью-Джерси, в психбольнице. Попал туда пожилой химик. Он стал заговариваться, изобретать что-то необычное, ругаться со всеми подряд. Его проверили, и родственники решили, что он болен на всю голову. Отправили в Нью-Джерси, в клинику к моему сумасшедшему родственнику. Так этот химик и там умудрился пробраться в лабораторию и из подручных средств соорудить какое-то химическое оружие. Не знаю, что он там слил одно с другим, но вышло что-то жуткое. В результате отравилось насмерть семь человек, включая одного санитаря и одного интерна.

Иван, конечно, о нашем химике так никогда ничего и не узнал, но сообразил, что случиться с ним может всякое, и выбрал худшее из двух худших – вернулся домой. Кроме того, Надю было жаль. Все же, наверное, единственная родня. О родителях же Иван больше не вспоминал.

Как только Иван вернулся в Москву, его пригласили куда-то (он не говорил, куда именно) на долгий разговор. Разговор длился месяца полтора, без выхода на свободу. Выжимали из него все соки, как из апельсина.

У нас так же давили до полной усушки того старика химика. Тоже приезжали серьезные ребята из Вашингтона и забрали его с собой. Его, правда, вернули через месяц, но очень уж сломленным. Он еще полгода прожил и умер. Сердце подвело. До этого был суд, который окончательно признал его идиотом.

Над Иваном никакого суда, разумеется, не было. Его, наверное, было за что судить и даже казнить. Бывший шеф-то был все-таки убит кем-то, а деньги его пропали до последней копейки. Там родня очень лютовала, но почему-то вся вдруг разом заткнулась.

Вернули нашего Ивана на все его должности и обязали поддерживать какие-то важные политические проекты. А еще разоблачить всенародно того лондонского интригана как вора и мерзавца. Вот это последнее Иван делал очень неохотно и не лично, а через свою Надю. Она давала интервью, очень умно и доходчиво все рассказывала, а чтобы не возникло сомнений в том, что имеет право представлять брата перед общественностью, сконструировали какую-то партию, где Иван стал главным человеком, а его сестра возглавила политический пиар.

А потом она даже какое-то время занимала его место. Он вроде бы устал от политики и политиков, а она еще нет.

Перерыв в его политической карьере официально объяснили тем, что он где-то повышал свою деловую квалификацию и вообще совершенствовал себя как промышленника.

Опять бойко пошла торговля его продукцией, время от времени прерываемая пыльными ссорами с партнерами, скандалчиками с дорогими проститутками и содержанками, которые везде сопровождали нашего Ивана, как первого жениха королевства. Руку и сердце ему предложила одна довольно молодая светская дамочка, так или иначе связанная с властью. Иван эту трепетную руку отверг, вследствие чего разгорелся еще один скандал, потому что не отвергать

ему настоятельно советовали на самом верху. Дамочку надо было срочно правильно пристроить – она стала много и довольно бойко болтать. Нервничала дамочка и капризничала.

Но Иван где-то на севере Франции, под самое Рождество, познакомился с другой очаровательной дамой, наследницей какого-то европейского титула. И тут за него взялись уже европейские адвокаты и стоящие за ними прохиндеи-политики. Миллиардное состояние Ивана (а к тому времени даже уже многомиллиардное) интересовало абсолютно всех.

Теперь Надя прилетела к брату уже в Париж, где он наслаждался любовью с молодой принцессой или герцогиней, и категорически потребовала вернуться. Тем более наверху было решено начинать очередной важный политический проект, в котором ему отводилась хоть и периферийная, но все же вполне ответственная роль. Могли опять возникнуть проблемы с его счетами, недвижимостью, с двумя огромными яхтами, стоящими одна в Монтенегро, а вторая в Швеции, с тремя личными самолетами, которые вдруг все разом лишились летных лицензий, с продукцией, с ее отгрузкой и погрузкой, с хранением, продажей, а главное, со стоимостью акций.

Угроза была нешуточная.

Я этого никак не могу усвоить. У нас ведь такое невозможно. Не потому что нет завидующих глаз, просто если ты чем-то всерьез владеешь, никто и никак указывать тебе ни на что не имеет права. Даже если он президент, или премьер, или генерал какой-нибудь со своей армией. Плати налоги, и больше ровным счетом ничего!

Это все потому, что отнять доллар у нищего можно безболезненно для себя, а миллиард у богача – очень и очень опасно и, главное, неразумно. Ведь доллар нищего ни с каким другим долларом не связан, а миллиард богача так плотно связан с миллиардами других богачей, что эта акция может очень дорого стоить всем – даже тем нищим, у которых пока не отняли их единственный доллар.

Но это тоже система. Или она есть, или ее нет. У нас есть. А у них нет. Потому что, как я уже сказал, у них власть делает деньги, а у нас наоборот. Вроде бы так...

Я не стал говорить все это Ивану, потому что я для него был как та Мадлен, как проститутка, которая не должна иметь ничего, кроме ушей. От Мадлен ведь тот французский военный моряк тоже ничего больше не требовал, а когда она попыталась проявить инициативу, получила в ухо. Хорошо хоть, не оглохла на всю жизнь.

Европа и мир тогда сотрясались первой волной кризиса. У нас это умники называли рецессией. Повсюду было заморожено строительство, падали акции, дешеvelа недвижимость, нефть, то тут, то там возникали маленькие и большие войны, хватили каких-то диктаторов, судили, убивали, росла цена на золото, на камни. С металлами опять же начались проблемы. Так что Ивану Голышу торчать теперь в Париже и забавляться с хитрой подружкой и с ее пройдошными адвокатами было уже совсем ни к чему. Тут Надя, как всегда, оказалась права.

Словом, Иван вернулся домой окончательно. И стал, с легкой руки Нади и того ее приятеля, который долго лобызал главную политическую ручку страны, заметным конкурентом решительного и смелого обладателя той ручки. Многих это испугало, а многих, наоборот, обнадежило.

Но вот ведь странность для меня: у Ивана сразу поправились все дела в бизнесе. Надежда его всюду выступала, расклеивались его портреты, распускались, порой очень забавные, сплетни, вспыхивали разные скандалчики, по большей части, правда, мелкие, а дела ведь все равно шли в гору. Он продал бывшему партнеру часть их общего большого бизнеса, из-за которого они последние несколько лет здорово ссорились, зато прикупил что-то важное и крепкое.

Он мне, конечно, все рассказывал урывками. Больше замалчивал. Но я тут повидал столько молчунов и таких уникальных личностей, что Иван Голыш мог бы вообще молчать – мне и этого хватило бы, чтобы многое понять и оценить.

Я вот помню, как тот мой, позже пристреленный, шеф однажды договорился со своим приятелем и партнером, что они разыграют у всех на виду комедию – якобы они теперь враги, делят бизнес, угрожают друг другу и тому подобное. А все для того, чтобы выиграть время и успокоить настоящих врагов. Те, конечно, заглотили наживку и кинулись к дружку моего шефа составить с ним заговор против нас.

Пока суд да дело, шеф и его дружок захватили весь рынок проституток-иностранок и наркоты на четверти территории Сан-Паулу, а двух конкурентов, участников липового заговора, грохнули прямо в их собственном баре. Потом, правда, моего шефа самого грохнули полицейские, да еще не без помощи его дружка, но тогда они точно всех обскакали.

Так что я все понимаю. Каждый должен знать, что от него требуется, и делать все по договору.

Думаю, Надя была надежным передаточным звеном. Она спускала на их семейном лифте вниз, к братцу, все, что требовалось, а от него на том же лифте поднималось обратно то, чего хотели там, наверху. Но лифт был глубоко спрятан в здании, и никто не видел, как он ходит вверх-вниз, вверх-вниз. Догадывались, конечно, как и я, когда он мне кое-что рассказывал, но этого недостаточно. Нужны доказательства. А их нет и никогда не будет.

Но тут стряслось такое, что разрушило все.

Однажды Надю нашли мертвой в ее новом загородном доме (тот, старенький, она давно продала). А за полмесяца до ее смерти застрелился на охоте ее приятель, который всю эту жизнь им с Иваном и устраивал. Взял вот так и пустил себе пулю в рот из карабина.

Иван дал кому-то большие, очень большие деньги, и ему достали результаты вскрытия. Оказалось, ствол карабина был так далеко ото рта несчастного, что даже не оставил там пороховых частиц. То есть стреляли в него метров с полутора, а то и с двух. Стреляли очень точно, очень метко, очень профессионально. Он был человеком небольшого роста, и с такими длинными руками, что держать карабин в полутора метрах впереди себя, да еще выстрелить, никак не мог. Да и зачем так мучиться!

Ивану принесли распечатку мобильных звонков, и оказалось, что именно в это время, то есть когда егеря слышали единственный выстрел (один из них зафиксировал это на своих часах – для истории, так сказать), кто-то «неизвестный» позвонил самоубийце, то есть попросту отвлек его. Тот, разговаривая, приоткрыл рот, и в этот момент ему туда и влетела пуля из его собственного карабина.

«Значит, – рассуждал я, – он оставил карабин без присмотра, а сам отошел в сторону, чтобы ответить на звонок. Тут кто-то взял карабин и пальнул из него в рот несчастному».

Выходит, там был еще кто-то, кого не видели егеря. И этот «кто-то» так же незаметно, как появился, исчез. И тот, кто звонил, тоже не объявился. Оказывается, телефон числился за каким-то бездомным. Да и сам бездомный пропал. Помер, наверное. До звонка или после, тут уж не разберешься. Скорее, до звонка – что-то мне подсказывает...

А еще через две недели Надя неожиданно утонула в своем бассейне. Просто захлебнулась. Она очень переживала смерть старого приятеля, перестала выходить из дома, то есть из коттеджа, истерично кричала по телефону Ивану, что он ей надоел, как и вся их игрушечная партия, и весь его чертов бизнес.

Иван приехал в ее дом, когда труп, еще влажный, лежал около бассейна и над ним стояли два печальных врача, два охранника (один рыжий, другой блондин) и какая-то ее новая подруга-спортсменка, которая почему-то оказалась в тот же час в том же бассейне.

Подруга со слезами на глазах уверяла, что обнаружила утонувшую Надю, только когда наконец остановилась после долгого, утомительного заплыва от одного конца бассейна до другого и обратно. Километров пять проплыла в общей сложности эта акула! Без остановки.

Она божилась, что тут больше, кроме них двоих, никого не было. Это же утверждали и охранники. Подруга-пловчиха для того в конечном счете и была нужна, чтобы позже обще-

ственность не усомнилась в естественности смерти Нади. А может, и еще для чего-нибудь? Как-то все же Надя утонула...

Но вот местный старичок, который постоянно ходил мимо дома Нади к пруду ловить рыбу, утверждал, что ясно видел, как из ворот выехала машина, а в ней сидел один из охранников Нади, рыжий, с перебитым носом. Именно тот, что стоял потом над ее телом. Куда он уезжал, зачем вернулся и почему не сказал об этом Ивану, когда тот тряс их всех за грудки? А это ведь точно был он, потому что рыжий мужик с перебитым носом там был один и дед его знал в лицо.

Дед, правда, через три дня тоже утонул – пошел пьяным на рыбалку (а он все время был пьяным) и свалился в пруд. Там было очень мелко, но ему, видимо, хватило.

Я помню, у нас точно так же захлебнулся капитан одного грязного, вонючего кораблика, который возил живой товар по Амазонке в глубь страны и однажды потребовал от моего шефа увеличить ему гонорар, иначе якобы он всех сдаст с потрохами. Пьяный был, вот и угрожал. На следующий день упал за борт своего суденышка и захлебнулся. Его вообще пираньи объели, дурака этакого. Так что таких случаев, я имею в виду, конечно, несчастных случаев, сколько угодно. Особенно в бизнесе или в политике.

После смерти Нади и ее дружка у Ивана начались настоящие проблемы. Те, что случались раньше, теперь казались мелкими неприятностями.

Иван к тому времени успел перевести огромную часть своих средств на далекие европейские и не всегда европейские счета, заложить там свою недвижимость, акции и еще что-то дорогое и важное, и тут очень вовремя его нашел адвокат той парижской знакомой, герцогини или принцессы.

А по-моему, этот адвокат тоже странный фрукт. С чего это он вдруг именно тогда объявился?

У нас тоже был такой. Дон Марио его, кажется, звали. Как только кого-нибудь где-нибудь из его клиентуры грохнут или даже просто пришлют черную метку, этот тут как тут. Давайте, мол, я ваши средства помогу сберечь и даже умножить. Он раз пять такое делал. На шестой его самого грохнули. Уж больно суетливый.

Этот парижский адвокат, правда, успел насоветовать что-то Ивану, но однажды, вскоре после этого, его нашли задыхающимся в своей роскошной квартире в районе Монпарнаса. Хороший, надо заметить, райончик. Там испокон веков живут многие известные люди. Этот адвокат, правда, там недавно обосновался, но все же присоседился к славе сначала живых, а потом уже и мертвых.

Позже, как рассказывал Иван, судебные медики, которые исследовали тело, никак не могли определить, отчего здоровый и счастливый человек вдруг посинел после завтрака и через три или четыре часа отдал богу душу. Вскрывали его со всеми предосторожностями, чуть ли не в скафандрах. И все равно один из медиков потом долго и мучительно болел чем-то непонятным. Говорят, старорежимный был дядька и не любил всяких новшеств.

Но Иван не стал дожидаться окончательных выводов экспертизы, сразу решив с осторожностью подойти к советам покойного адвоката.

Тут к нему вновь приезжают очень компетентные люди и говорят с апломбом, что у всех впереди много счастья. Не нужно никуда ехать и ничего ни от кого скрывать. Иван, дескать, совершенно необходим как человек новой либеральной формации в скользком избирательном процессе России.

Я их очень хорошо понимаю, потому что мой покойный бразильский шеф тоже баллотировался в парламент от одной новой партии. Его неожиданно поддержали самые нищие слои сан-паулского общества. Это потому, что он не жалел денег на благотворительность. Он вообще-то простой был парень, из тех же, можно сказать, слоев. И сентиментальный по-своему. Но не дожил до выборов. Как только на телевидении стало известно о его неожиданной попу-

лярности, многие переполошились. Тут же выступил один важный прокурор и со слезами на глазах поведал общественности, что мой шеф настоящий злодей и что его место в тюрьме, а не в парламенте. Можно подумать, для тех, кто уже был к тому времени в парламенте, не нашлось бы места даже в камере смертников! Да для многих это просто их дом родной! Последнее пристанище, можно сказать!

А вскоре его грохнули. Вроде приехали к нему честные и мужественные полицейские, а он первый начал стрелять. Впрочем, об этом я уже упоминал. Но как-то не дает мне это покоя до сих пор. Хотя я и сам много чего понаделал за это время.

Иван, конечно, сообразил, что совет прилетевших к нему людей и не совет вовсе, а самый что ни на есть приказ. Тут вновь появились телевидение, радио, газеты, Интернет. И обнаружилось, что он очень даже неплохо выглядит на фоне главного претендента. И вроде не пьет давно (считалось ведь, что когда-то пил!), и с шалыми девками больше не валандается, и педофильской порнухой не балуется, и вообще очень родину любит. Просто до зубовного скрежета!

Однако откровенно не любили его именно патриоты, которые родину любят, конечно же, больше всех. То есть настоящие патриоты. Это те, кто всегда мрачен, нелюдим и необыкновенно зол. Для них патриотизм – всегда непереносимая душевная мука оттого, что кто-то очень плохой и продажный существует с ними в одном территориальном пространстве. А плохие и продажные – все, кроме них.

Я как-то подумал... если бы у этих «истинных патриотов» не было идейных противников, они посходили бы с ума от тоски. Почему такой патриот не видит радости от любви к родине, а только лишь горечь и печаль? А еще он страстно желает, чтобы его почти физические страдания и душевные муки были непременно официально признаны таким же святым государственным актом, как гимн, флаг и герб. Он всегда враждебен, даже к своим, которых неустанно подозревает в двуличности. Всегда непримирим, а потому крайне конфликтен. Он убежден, что так любить Родину, как он, не может и не хочет никто другой. А значит, всякий другой – враг.

Для такого патриота обыкновенный «скромный, тихий патриот» – тот же враг, потому что он соглашатель и слабак. Что может быть хуже для родины, чем слабаки? Ничто, по его разумению. Даже откровенные враги лучше, потому что они такие же патриоты, но – своих собственных стран и своим непримиримым патриотизмом питают «наш» непримиримый патриотизм.

Вот эти патриоты и ополчились на либерала Ивана. А это не шутка! Его приходилось строго охранять. Но ведь любая охрана еще и согладатель. Уж Иван-то это знал очень давно – и по своей судьбе, а главное, по судьбе несчастной сестры.

Я догадался по его словам, что на этот раз речь уже шла не о парламенте, а о президентском троне. Парламент – ведь это просто скользкий паркет к нему. Только полируй вовремя, натирай и покрывай лаком нужного цвета и тона.

Иван всерьез струхнул и в последний момент заявил в одной главной телевизионной программе, что ни во что больше не верит и потому не может принять участия в этом важном деле. На него тут все обрушились: и те, кто денег давал, и те, кто, наоборот, ничего никому не давал, но на что-то всерьез рассчитывал. И даже патриоты, которые злорадно усмехались – мол, мы же предупреждали, что он слабак и соглашатель. Родине такие не нужны.

Опять те же люди, здорово обидевшиеся на Иванову трусость, приехали и потребовали вернуть обратно все, что он вывез и где-то там заложил. Иван уперся. Даже стал грозить, что все-таки пойдет на выборы и все расскажет общественности. Он, по-моему, искренне думал, что она у них там есть, эта «общественность». У нас ведь тоже так многие думают.

Как раз в этот момент появился другой адвокат, но не из Парижа, а из Москвы. Лощеный такой тип, бывший мелкий шпиониска, а теперь прямо звезда экрана, ни больше ни меньше. Дает интервью направо и налево, по всякому поводу скандалит, дорогим одеколоном пахнет.

Вот этот самый «душистый» адвокат, этот красавчик, и две его холодные, как айсберги, помощницы действительно повторили совет их покойного парижского коллеги. Ну, того, который почему-то задохнулся в своем доме в Монпарнасе. Не знаю, что это был за совет такой, но, видимо, дело не в нем, не в его смысле, а в том, от кого он исходит. То есть от какого адвоката – от своего или от чужого. Речь-то шла о миллиардах!

Я мало читал в жизни. А в нежном возрасте так вообще, кроме комиксов, в руках ничего изданного в типографии не держал. Но однажды моя русская мама, которая упрямо учила меня своему языку, сказала, что я просто обязан прочитать несколько важных русских книг, иначе, мол, когда-нибудь непременно захочу поехать жить на ее родину. И вот чтобы этого никогда не случилось (можно подумать, на родине моего отца она как сыр в масле каталась!), мама дала мне одну очень смешную книжку со страшным названием. Я ее прочитал и, представьте, кое-что даже усвоил.

И вот теперь, вспоминая Ивана, я убеждаюсь, что самое точное определение его родине дал почти двести лет назад русский писатель Гоголь в той самой книжке со страшным названием – «Мертвые души». Он сравнил их страну с птицей-тройкой, которая летит, несетя вперед, не давая ответа, куда и зачем.

Я сказал Ивану об этом. Он вздрогнул и умолк на некоторое время (а ведь тогда он как раз рассказывал мне свою историю). Мне показалось, Иван что-то мучительно вспоминает.

– Вот, – вновь заговорил Иван и печально уставился на меня своими мелкими стеклянными глазками, – тройка несетя во времени и пространстве, слушаясь упрямой и жилистой руки очередного своего долгожителя-ямщика. А VIP-пассажиры этого волшебного средства передвижения с разбойничьим свистом ударяют оземь свои бобровые шапки и лукаво шурятся на остолбеневший простоволосый народ. Вот уже и снежная пыль за полозьями рассыпалась в морозном воздухе, и храпа коней уж не слышно! Унеслись! К звездам, в будущее, так удивительно похожее на прошлое, что изумленному стороннему наблюдателю кажется, будто стоит эта лихая тройка на месте и лишь остервенело бьет копытами об усталую, мерзлую русскую землю.

Я, конечно, точно не знаю, что такое «морозная пыль», «бобровые шапки», «ямщики» и прочие русские слова, которые он произносил, но все же кое-что понял. Главное, видимо, было не в том, что сказал мне Иван (смысл этого до меня плохо доходил), а в том, что он при своей природной одаренности был человеком крайне зависимым. Разве он сумел бы вот так сложно, так философски мудро выразить свои ощущения, если бы кто-нибудь не вбил ему это в голову? У Ивана была чудесная память (она поддерживала его, но и губила!), на нее «записывалось» очень многое. Причем запись вели необыкновенно умные циники. Не случайно в него втравили все эти мысли из далеких «Мертвых душ», и даже по-своему развили их. Ведь мертвых действительно всегда больше, чем живых. Это уж точно! А если это естественное и ясное понятие соединить в его сознании с предельно циничным авторитетным определением их родины, получается интересная картина. Интересная уже тем, что позволяет манипулировать на подсознательном уровне кем угодно, и, разумеется, прежде всего самим Иваном.

А если это или нечто подобное внушить целому народу, эффект превысит все ожидания. Депрессия в настоящем и неверие в будущее становятся главной pedalю, на которую можно давить и давить. Пока не лопнут подпруги и кони не разбегутся.

Я только после этих его заумных слов догадался, с кем он имел дело и почему в конце концов накинул себе на шею петлю. Все это было одной циничной программой, предназначенной ему и, возможно, еще многим и многим.

Иван уже тогда, когда к нему прилетели гонцы из Москвы, понял: если не последует и на этот раз их совету, потом даже не успеет оценить последствий своей нерасторопности, ведь мертвецы не обладают аналитическими способностями. Просто лежат себе безучастно и разлагаются. Как его сестра, например, или тот ее важный дружок. Или парижский адвокат и

еще те, о которых Иван успел позабыть. Ведь он тоже когда-то, в самом начале, сменил своего шефа по тем же причинам и, возможно, тем же способом.

Но что-то уже сломалось и в Иване, и в тех людях. Не знаю, лопнули ли подпруги, но то, что у всех сторон лопнуло терпение, это точно. Его родина опять стала другой, при этом сохранив все основные черты прежней.

Так неожиданно-негаданно появился в жизни Ивана наш роскошный, закрытый со всех сторон парк-отель. А средств у Ивана жить тут по-королевски еще вполне хватало. Как и у других наших немногочисленных постояльцев. Я же говорил, кажется, их всегда не больше семнадцати. Но таких, как Иван, вообще не так много на планете. Я имею в виду, конечно, что не так много таких, которых и разорить трудно, и казнить нельзя, и помиловать нет возможности.

Вот они и собираются здесь. Каждый по своим причинам. Но это уже история не Ивана, а других людей.

Спустя недельки две после нескольких наших с ним разговоров (то есть он ныл, а я слушал и молчал, как проститутка Мадлен), он повесился на шнуре от гардин.

Хоронить Ивана увезли на континент (тут так называют всю остальную планету) ранним утром, после довольно торопливого вскрытия. Просто погрузили на вертолет в запаянном цинковом гробу и отправили на родину. Думаю, в тот городок, где от безысходности когда-то лютовал папаша, где похоронены его обворожительная сестра Надя, мамаша, да и папаша.

Они опять собрались все вместе. От судьбы не уйдешь!

* * *

Я мог бы рассказать о втором русском, то есть о Товарище Шее, но не стану, потому что считаю это бестактным: он ведь прослезился, когда узнал о смерти соотечественника. У него для этого были свои причины. Если получится, позже вернемся к этому человеку.

А пока меня позвала к себе волшебная красотка Мария Бестия. Я уже говорил, что этой испанке пятьдесят лет. Но такой цыпочке может позавидовать даже сочная двадцатилетняя девчонка. Одаренная дама! Во всех отношениях.

Мне и раньше приходилось встречать таких, как она. У нас ведь тоже женщины хороши и соблазнительны до тех пор, пока сами того желают. Как только им надоедает, они немедленно начинают стареть, покрываться морщинами, седеют, теряют зубы. Зады становятся тяжелыми, груди – отвислыми, тянутся сосками к земле. И вообще такие женщины сами уже смотрят в землю. Они точно знают, когда пора. Нечего им это говорить, себе дороже.

Вот моя мама этого правила не знала, потому что она была русской, из Сибири. У них там свои привычки. Им скажут: «Ты уже старая и никому ненужная», и они тут же становятся древними старухами. А нашей женщине такого не скажешь, не посмеешь. Я же говорю, себе дороже.

Моя мама уехала в Сан-Паулу из Сибири со страшным скандалом и со мной, новорожденным. А папу к тому времени уже давно выставили из СССР как мужчину с неуправляемым бразильским либидо. Ведь его нанимали инженером, а не любовником и тем более не мужем. Зачем он им кровь портил? К чему в снежной Сибири бразильские мулаты?

Но об этом немного позже. Если к слову, конечно, придется.

Я подошел к столику в основном ресторане, за которым сидела в одиночестве сеньора Бестия, потому что увидел, как она поманила меня пальчиком. Я почтительно пригнулся, подставив свое темное мулатское ухо к ее роскошному алому роту.

– Послушай, Comer es dado, – прошептала она. – Я тут наболтала тебе что-то... Так ты забудь.

– Я ничего уже не помню, сеньора Бестия, – чуть слышно, совершенно искренне ответил я. – У меня плохо и с памятью, и даже со слухом.

– Надеюсь, это не мешает тебе служить здесь?

– Ни в коем случае. Здесь это у всех. В этом смысле обслуживающий персонал – инвалидная команда. Ни слуха, ни зрения, ни памяти. Даже обоняние притуплено.

– Несчастные! – Она совершенно серьезно и даже сочувственно посмотрела на меня, словно мне нельзя было не поверить.

Сеньора Бестия вообще была дамой серьезной и решительной. И, как обнаружилось, доверчивой.

Никогда бы не вспомнил ее пикантную историю, будь она еще жива.

Синьора Мария Бестия

Родилась она очень далеко от Испании. В Китае. Правда, оба родителя были испанцами. Отец – видный дипломат, заметный общественный деятель, неплохой писатель и драматург и вообще большой душка. Мать – наследница княжеского титула, из давным-давно разорившегося аристократического семейства, работала на скромной технической должности в испанском посольстве в Пекине.

Они познакомились еще в Мадриде, на европейской политической конференции. Дипломат был уже женат, но как-то очень неудачно. Это всерьез мешало его карьере, его творчеству писателя и вообще было отвратительно его нраву. А нрав у него был шумный, общественный, заметный. Его же первая жена была, по-моему, просто тихо помешанной душой. Очень была ревнивая и в то же время холодная дамочка, дочь крупного промышленника из Барселоны. Ее все запомнили как серое существо с крепко поджатыми бледными губами и с блуждающим взглядом. Плоскогрудая, беззадая, но фантастически богатая наследница. Это и сгубило первую половину жизни шумного и любвеобильного дипломата.

Незадолго до китайской командировки будущего отца синьоры Марии его первая жена заболела раком гортани и умерла. Промучилась она, говорят, очень недолго. Все ее богатство досталось неутешному супругу. Детей у них не было.

В Пекин вдовец приехал, разумеется, один, тут же встретил в посольстве и сразу узнал совершенно очаровательную молодую женщину, на которую обратил еще внимание пару лет назад в Мадриде на конференции. Она там что-то за кем-то записывала, успевая одаривать его, тогда еще женатого человека, несмелой легкой улыбкой.

Вскоре они поженились, и в следующем году у них родилась дочь Мария. В Мадрид семья вернулась лишь через четыре года – закончился контракт родителей. Вскоре закончилась и их совместная семейная жизнь.

Как-то дипломат задержался в заштатной стране, которую свора дружных и гуманных государств собиралась разбомбить и разрушить до основания во имя невятных высоких международных принципов, а дипломат должен был убедить общественность, что им и его друзьями по большому и сильному военному блоку сделано все возможное, чтобы отложить бомбежку на целых пять дней. Другая страна, расположенная восточнее остальных, настаивала на новых переговорах и на ракетно-бомбовой паузе еще дней на десять, даже, по-моему, на пятнадцать. Но вопрос был совершенно принципиальный. Сойтись никак не могли. Пока суд да дело, страна, которая была восточнее всех, срочно вывозила из страны, которую собирались превратить в руины, какие-то важные агрегаты, секретные документы и особо ценных друзей.

Дипломат закончил свои бессмысленные переговоры и вернулся усталый, но очень довольный собой: он всегда был доволен, когда выматывался в пустых разговорах и бесполезных миссиях. В голове крутились сюжеты новой книги о том, как трудно быть интеллигентом в стае хамов и мерзавцев.

С этими мыслями он и отпер дверь их семейного гнездышка, а там, в его постели, крепко спал его же начальник и ближайший друг, а жена, не заметив возвращения мужа (все телеканалы утверждали, что он день и ночь продолжает битву за то, чтобы другая битва, кровавая и смертоносная, состоялась как можно быстрее и эффективнее), сидела на кухне и попивала кофе с коньячком. Она очень любила после страстных ночей кофе именно с коньячком. Он бодрил и в то же время успокаивал.

Муж был горячо возмущен не столько изменой, сколько бесстыдной верностью интимным традициям его ветреной жены. Кофе после него – это ничего, это – законно, а после любовника – крайне возмутительно и даже гадко!

Произошел разрыв. Взаимная неприязнь дошла до того, что почти одновременно с бомбежкой той страны (мирную паузу продлили на целых три дня, что было верхом взаимного уважения между Западом и Востоком) дипломат покинул семью: он переехал в пригород Мадрида к своей старой приятельнице-актрисе, постоянно снимающейся в фильмах Альмодовара.

В руинах уже лежала чужая беспомощная страна на границе Европы и Азии, в руинах лежала и семейная жизнь дипломата и писателя.

С тех пор синьорита, в дальнейшем синьора Мария Бестия, была предоставлена сама себе. В материной постели за время взросления дочери перебивала вся дипломатическая, военная и часть культурной элиты страны. Были пролиты литры слез и как будто даже несколько капель чей-то крови. Отец, видный дипломат и талантливый литератор, известный во всех интеллектуальных кругах Испании светский человек, однажды был повержен обыкновенным инсультом. Такие инсульты случаются со всеми – и с плебеями, и с аристократами. После них все выглядят одинаково жалко и несчастно.

Страна, которую разбомбили, успела к тому времени вновь отстроиться и даже стала претендовать на достойное место в своре стран, когда-то не желавших дать ей передышки хотя бы еще на пару дней. То есть много воды утекло. А для старого дипломата и литератора время превратилось в заплесневелый пруд.

Мария часто приезжала к отцу в загородную клинику, где он прозябал годами, и сидела рядом, нежно держа в своей ладони его дрожащую исхудалую старческую руку. Не знаю, сколько времени это длилось, но Мария успела вырасти, похоронить мать, окончить факультет политологии в Барселоне, выйти замуж и развестись. Старый дипломат все еще коротал свои безрадостные деньки в той же клинике. Его еще дважды разбивал инсульт и один раз поразил обширный инфаркт. Но очень, видимо, живучий был этот мужик.

Незадолго до смерти он позвал к себе дочь и поведал ей историю своих богатств, которые позволили ему находиться все это время в одной из самых дорогих клиник Европы, содержать дочь и даже материально помогать бывшей жене, когда та была жива.

Новоиспеченному политологу Марии откровенность отца пришлась очень кстати. Она оставила за собой на всю жизнь фамилию своего первого и последнего мужа. О нем рассказывала очень неохотно: пьяница и бабник, младший сын богатого фермера с севера Испании, а вообще-то дрянной человечиска. Словом, от себя ей он оставил только свою странную фамилию.

У нас, в Сан-Паулу, тоже была такая девка. Взяла фамилию самого крутого парня в городе и убила его. Вот так взяла однажды утром мачете, с которым он обычно ходил в сельву, и отрубила ему голову. Приревновала к своей подруге. Если бы не отец жестокой стервы, ей бы точно несдобровать. Однако отец у нее был видным полицейским чином. Его очень уважали судьи, прокуроры и крупные бандиты. Когда такие люди все вместе заступаются за человека или его семью, жизнь у всех непременно сложится счастливо. Он и помог ей выкрутиться. Как – не знаю. Она потом еще два раза выходила замуж. Оба ее мужа выжили, но мне кажется, их обоих воспитала ее непростая биография. К тому же тот ее первый муж здорово насолил многим накануне своей смерти. Последующие мужья были куда скромнее!

Однако Мария не пошла по тому же пути, как та моя знакомая в Сан-Паулу, а построила собственную судьбу. Ей не нужно было мачете, хотя связи отца очень и оченьгодились.

Она быстро постигла секреты его успеха в Китае и поняла, откуда прибывало богатство. Паралистик назвал ей имена двух друзей, с которыми когда-то имел дело. Один из них англичанин, второй – китаец. Англичанин жил то в Лондоне, то в Вашингтоне, а китаец – практически везде. То есть он пребывал то в одной стране, то в другой, всегда, правда, возвращаясь в Пекин или в Шанхай, где имел влиятельную корпорацию по каким-то высоким, в том числе секретным, технологиям. У этой корпорации был многомиллиардный бюджет.

Сеньора Бестия не называла имен. Я сам их прозвал по-своему: англичанин Том и китаец Бэй, что означает «белый». Том был темноволосый, черноглазый, смуглый. А Бэй – с молочной кожей, лысый, как колено, и с бесцветными глазами, что вообще редкость для азиатов. Англичанину Тому было к тому времени сорок пять лет, а китайцу Бэю – немногим за пятьдесят.

Все последующие годы сеньора Бестия спала с тем и с другим. Это было безопасно, потому что по условиям работы эти два крутых парня друг друга видеть вообще не должны были. Они даже как будто и не знали друг друга.

«Кто такой этот мистер Том?» – мог спросить с удивлением ксьеншенг⁷ Бэй. «А что это за ксьеншенг Бэй?» – вполне мог изумиться мистер Том. И всякий следователь, прокурор или судья в растерянности развели бы руками.

А все потому, что знакомство этих двух влиятельнейших в мире людей проходило через посредника. Им был отец сеньоры Бестии. А когда его разбил паралич, посредником стала сама сеньора. Обе стороны не могли не согласиться с этим, потому что в руках у нее оказалось достаточно доказательств, чтобы на взаимный вопрос «Это кто такой?» даже рядовой следователь смог бы легко и непринужденно оживить их память. К тому же такого рода дела рядовым следователям обычно не поручаются. Ими, как правило, занимаются государственные комиссии, международные трибуналы и даже главы крупнейших разведок мира.

Так что возражений сторон не последовало. Место паралитика заняла его очаровательная дочурка.

Я долго ломал голову: что так роднило англичанина Тома и китайца Бэя? Неужели только глазки, губки, плечи, грудь, бедра и ножки прекрасной испанской дамы? Ну и еще некоторые чарующие атрибуты ее нестареющего тела... Сейчас я уже могу ответить на этот вопрос, но нужно ли? Она ведь мне все это рассказывала, как беспамятливой, молчаливой, даже глухой проститутке Мадлен. Как в свое время Иван Голыш. Разве такой инвалид может о чем-то догадаться или кому-то что-то передать? Разумеется, не может!

Поэтому не имеет смысла придирается к подробностям моего рассказа и искать им подтверждения в нашей честнейшей и добрейшей реальности. Все это лишь догадки и всякие глупости.

Ну кто поверит, что сначала один очень влиятельный в мире человек, а именно наш англичанин Том, облаченный особой властью и страшно уважаемый мировым сообществом политиков, толстосумов, военных и юристов, ставит перед самыми компетентными учеными задачи планетарного масштаба, а потом, получив блестящие результаты, передает их абсолютную копию мало кому известному посреднику. Даже если этот посредник и отмечен в своей жизни чем-то славным, то уж точно не тем, что получает за свою тайную деятельность весьма нескромные проценты от конечного результата работы ученых. Там ведь и одного процента всего от одного научного проекта хватило бы на безбедную жизнь нескольким поколениям. А тут – не один процент и не одна золотая идея!

Дальше посредник передает посылку в руки лысого китайца Бэя. Тот устремляется в поездки по миру, проверяя то один, то другой узел предлагаемого изобретения. Для этого на него работают все те же профессиональные разведчики, политики, ученые, полицейские, экономисты, журналисты и прочий деловой и творческий люд. После этого он возвращается в Пекин, проводит тайные переговоры с правительством Китая, заручается поддержкой и гигантским бюджетом и запускает секретную технологию в дело. Она дробится на многие «неузнаваемые» части. Однако государственные заводы и даже крупные частные компании все же объединяются в один большой проект, и вот миру наконец предлагается свежий продукт высоких технологий, страшно похожий на тот, что выпускается где-нибудь в США, или в Японии, или

⁷ Господин (*кит.*) – обращение.

в Германии, Швеции, Норвегии, а иной раз в России. В отношении России по большей части в области наступательных вооружений и противовоздушной обороны.

По тем же каналам приходила инсайдерская политическая информация из министерств иностранных дел многих стран, из министерств обороны, из разведок и контрразведок, из крупных корпораций, научных институтов. Такая важная информация имела способность в каких-то случаях приостанавливать крупные конфликты и даже войны, либо, напротив, возбуждать их на ровном месте. А значит, активно влиять на международные цены на нефть, газ, электричество, металлы, камни, драгоценности, недвижимость, продукты питания, лекарства, одежду, моду, кинематографию. То есть влиять на жизнь!

Публика эта, в том числе сеньора Бестия, занималась эффективными маневрами на всех политических полях. Это и технологии заброса нужной дезинформации в массмедиа, то есть прямо в глотку к человечеству, и игра с процентами инфляции в годовых отчетах целых государств, и решение о выдаче многомиллиардных кредитов или погашении долгов. Причем всего лишь пара каких-нибудь инфляционных процентов в масштабе огромной нищеты страны или даже целого континента способна уморить голодом или болезнями тысячи обыкновенных людей. Это как катастрофа пассажирского поезда – сколько село, столько и погибло. Зато жирные коты снимают с этого свои обычные сладкие пенки.

Мой родственник, старик психиатр, у которого я в свое время скрывался в Нью-Джерси, как-то сказал, что настоящая политика живет в невидимом пространстве и сама она невидима. Это, говорил он, как работа внутренних органов. Они ведь отвратительны на вид, но ведь и не предназначены для всеобщего обозрения. Обычным людям достаточно лишь знать, что они существуют. К тому же, если бы органы вдруг открылись для всех, то есть стали бы доступны и видны, организм сразу бы загнулся от сепсиса.

Тут он, этот древний чудак, хитро так посмотрел на меня и продолжил с кривой ухмылкой:

– То же и с политикой. Например, те, кого люди каждый день видят на экранах, слышат по радио, читают о них в Интернете или в газетах, – всего лишь зловонные газы, испускаемые тем самым закрытым и отвратительным ливером, который и является истинной политикой. Настоящих политиков и истинных хозяев не видит никто. А это им и не нужно! Они для этого слишком умны. Злы ли они? Не знаю. Что такое – зло? А вдруг – это добро? Самое настоящее божественное добро. Пути господни неисповедимы. А коли так, то что есть добро, а что зло? Все – лишь его инструмент. Зловонные газы – тоже.

Один заметный аналитик, крупный специалист по PR, который очень недолго тоже был нашим постояльцем и закончил, как они все, то есть не самым лучшим образом, как-то поделился со мной одной из своих эффективных технологий.

– Пиарщики, – сказал он, – люди самоуверенные и потому недалекие. Они быстро привыкают к тому, что под ними всегда смертельная бездна, и забывают, что она когда-нибудь поглотит их самих. Но им-то кажется, что они застрахованы от личной катастрофы, поэтому смело ведут к ней остальных. Считают себя главными в этом доверчивом мире, и, надо сказать, не очень ошибаются.

Дальше он рассказал: чтобы вызвать мировой скандал и даже развязать вооруженный конфликт, достаточно подкупить мелкое провинциальное агентство и разместить на его сайте скандальную дезинформацию. А потом подтолкнуть крупное агентство эту информацию опубликовать у себя. Иной раз достаточно небольшой взятки редактору. Этот золотой крючок заглаживают политики, начинают комментировать или опровергать. Их обличают во вранье, и кто-то где-то на всякий случай объявляет мобилизацию. Кто-то другой, с расшатанной нервной системой, убивает кого-то попавшегося под руку. Уже другие политики с горящими лживыми глазами требуют сатисфакции. То есть выстрел в старого эрцгерцога беспринципным идиотом

Принципом наконец произведен. Тут все может и затихнуть, а может ахнуть так, что будущие поколения еще долго будут пересчитывать кости своих предков.

Бывает, к следующему Рождеству никто уже не в состоянии вспомнить, с чего начался скандал и почему на какой-то границе или в каком-нибудь жалком селении вдруг грохнули десяток-другой ни в чем неповинных людей. Тем временем шайка дельцов, оплативших PR-агентству ту непыльную работку, уже сняла навар. Какой-то затратный торговый или гнилой политический бренд пробил себе дорожку и уже собирает собственный урожай. Где-то пало правительство, или к власти пришел заведомый мерзавец и упырь.

Дело сделано! Осталось лишь разнести огромные денежные массы по совершенно конкретным карманам. Расползаются по своим интимным ловушкам миллионные взятки, падают на счета прохиндеям из тех же агентств солидные денежные призы.

Теперь все можно начинать сначала.

Вот такая фантастическая по масштабу и отвратительная по содержанию деятельность очень увлекла сеньору Бестию. Она искренне удивлялась, что ее отец, умерший наконец от очередного инсульта, не сумел когда-то развернуться еще шире. Она не придавала должного значения тому, что он был человеком не то что без всяких принципов и вообще без малейших симптомов совести, а просто крайне осторожным и компетентным. Известно ведь: принципы и совесть находятся на противоположном полюсе относительно предусмотрительности и невозмутимости. Это вполне здоровое чувство. Он всегда понимал, где начинается вечность, а где и как она вдруг заканчивается. Вот этот секрет он не успел доверить дочери. Тут ее и поджидала беда.

Но сеньора Бестия, несмотря на ее крепкую мужскую хватку, тем не менее обладала исключительно нежным и, я бы сказал, изящным женским умом. А это вещь особенная.

Я не имею ничего против «женского ума»! Наоборот, он мне даже больше нравится, чем примитивный мужской. Ведь женский ум всегда направлен на сохранение естественного баланса в природе, а мужской – исключительно на его разрушение, во всяком случае, на постоянное колебание. Это все потому, что мужчины всегда находятся в состоянии взаимоуничтожающей войны, даже если входят в один узкий, казалось бы, дружеский круг. Такая война, возможно, не всегда выглядит как открытые боевые действия, но, как и всякая война, способна менять свои внешние формы, так или иначе сохраняя для себя цели. Природа заложила в мужчинах непоколебимый принцип соперничества. Он примитивен, а потому вечен.

Женщины, напротив, друг в друге заинтересованы как самым естественным образом конкурирующие особи. Они понимают на подсознательном уровне, что эта их конкурентность лишь дает им необходимые преимущества отбора в среде взбесившихся самцов и, главное, объективную оценку амбиций мужских особей. Самые крепкие и стойкие самцы (по очень личным критериям самок, разумеется) получают, в свою очередь, в качестве приза самых способных к развитию человеческого вида носительниц плода. Самки ведь не желают привести дело воспроизводства к упадку.

Поэтому они в естественном стоворе друг с другом, в то время как самцы не имеют ни единого шанса заключить какой-либо долгосрочный союз между собой. Они увлечены лишь взаимным уничтожением (прямо или косвенно). Они – пленники своего гормонального идиотизма.

Мужчина всегда маниакально ищет свой идеал, думая, что, пока ищет, он вроде бы еще мужчина. Женщина же куда более практична – она в идеалы не верит и потому нередко просто довольствуется банальным гендерным типажом – «мужчиной», агрессивным существом с соответствующими гениталиями. Поэтому ее справедливо возмущает, когда и этого, самого примитивного и естественного, не может найти.

Но беда поджидает женщин, когда они вдруг начинают игнорировать мощный зов своей природы и мыслить исключительно мужскими категориями. Женская, и в то же время совер-

шенно «неженская», амбициозность рано или поздно ложится надгробным камнем на ее судьбу. На том печальном камне я бы начертал такую эпитафию: *«Здесь лежит та, которая забыла о божественной силе своих природных преимуществ и предпочла им земную мужскую слабость»*.

У меня была одна знакомая молодая кореянка, с которой нас свела случайность. Может, и моя судьба сложилась бы иначе, доверься она своей природной силе, а не реши, что ее следует заменить мужским бессилием, только внешне похожим на силу.

Когда мы с ней встретились, я окончательно решил покончить с губительным для души и тела образом жизни и начать все с белого листа. На том белом листе я аккуратно вывел ее имя и нарисовал ее изящный профиль. Представьте, я даже всерьез взялся за изучение философии и немедленно порвал со старыми друзьями, с этими гормональными идиотами-воинами.

Каково же было мое изумление, когда я узнал, что моя тонкая, изящная и, казалось бы, по-женски мудрая кореянка сама связалась с моими старыми друзьями и даже заявила им, что я, мол, «спекся», а вот она вполне может заменить меня в одном сугубо грубом мужском деле – в убийствах по найму.

Сначала они посмеялись, а когда она грохнула из моего же пистолета самого смешливого и несдержанного из них, жутко расстроились. Они не нашли в себе силы долго терпеть такую печаль. Их хватило минут на пять, не больше. В общем, мы с ней так или иначе бы расстались, думаю, даже если бы она осталась жива.

А ведь могла родить мне полдюжины сыновей и дочерей. Красавцев и умниц кофейного цвета с раскосыми карими глазками. Я бы стал приличным господином, который распускает хвост перед своей самкой не ради себя, самовлюбленного кретина, а ради нее единственной. Но она предпочла грязную мужскую смерть святой жизни женщины.

Вот как мы от них зависим! Вот с какой стороны, а вовсе не с той, которую выбирают амбициозные дамочки с мужскими мозгами, а вернее, с мужской безмозглостью.

Так что сеньора Бестия сама накликала беду. Ничего она в жизни так и не поняла.

Однажды случилось непредвиденное. Мистер Том на очередной ежегодной сессии ООН в Нью-Йорке встретился с арабским шейхом, имени которого сеньора Бестия не назвала, как, собственно, и других имен. Но я решил, что ему вполне подходит что-то вроде шейх Ислами Максуд Мухаммед абу Аббас, или просто ИММА, – аббревиатура из выдуманных имен. Пусть так и будет – Имма.

Так вот с этим живописным молодым бородачом, завернутым в чистейшие белые простыни, с золотыми перстнями почти на всех его холеных пальцах, у мистера Тома состоялся важный разговор. Суть его сводилась к тому, что мистер Том располагает подлинными технологиями по производству какого-то страшного оружия будущего. Стоимость технологий оценивалась почти в миллиард долларов. Мистер Том, видный общественный деятель с высочайшим дипломатическим статусом, любимец журналистов, человек с тонким чувством юмора, стал торговаться с молодым шейхом, как последний спекулянт, потому что тот пытался уменьшить стоимость услуги вдвое.

Шейх Имма вправе был не доверять информации мистера Тома: уж слишком она была дорогая и эффектная. Это с одной стороны. А с другой стороны, как не доверять такому правдивому человеку? Да еще известному честностью и искренностью всему цивилизованному миру. Да он только что делал доклад на сессии ООН по поводу бескомпромиссности в борьбе с мировым терроризмом, в первую очередь с исламским. И вдруг такое предложение, а главное, такая зоологическая алчность!

Шейх Имма попросил несколько дней для обдумывания неожиданного предложения и стал размышлять. До него уже доходили слухи, что очень многие технологии давно утекают куда-то на Дальний Восток, но все время минуют Ближний Восток, как бы перелетая через его голову. Ему даже докладывали, что попадают эти технологии в алчные лапы некоего ксьен-

шенга Бэя. Тот их раздает по разным китайским и некитайским предприятиям, а потом собирает щедрый урожай.

Шейх Имма предположил, что мистер Том является как раз тем источником, из которого пьет лысый китаец Бэй. Поэтому он решил: неплохо бы привлечь опытного китайца к этой покупке, поделить затраты и соответственно разделить ожидаемые прибыли. Он так и сделал – послал к ксьеншенгу Бэю своего человека.

Ксьеншенг Бэй был поражен до самого мозжечка. Тем более имени мистера Тома ему человек шейха Имма, конечно же, не назвал, потому что и сам его не знал. Китаец решил проверить, не новый ли это источник, который вполне может заменить старый, да еще даст возможность продиктовать более выгодные условия партнерам. Во-первых, он избавится от навязчивой сеньоры Бестии, а во-вторых, отодвинет подальше от себя непомерные амбиции мистера Тома. Он ведь не знал, что это один и тот же источник!

Но все в конце концов вылезло. Как сказано в Библии, «Все тайное становится явным». Этого многие не понимают. А напрасно.

У нас тоже такое было однажды. Один сан-паульский торговец крупными партиями кокаина из Баготы решил поменять поставщика, а заодно и посредника – наглого американского парня, сотрудника службы безопасности в посольстве в Лиме. Как-то они там все связывались между собой.

Для этого он попытался выйти на еще одного посредника – своего племянника из Рио. А тот возьми да выведи его на того же поставщика в Боготе. Он и сам этого не знал. Тот тут же пожаловался американцу в Лиме, американец доложил своим в Вашингтон, что якобы вышел с помощью своей агентуры на целый наркокартель, назвав того жадного хитреца их бароном.

Из США немедленно прилетела шайка спецназовцев, которым уже давно наскучили однообразные операции в Афганистане и Пакистане (там к тому же слишком жарко и почти нет растительности), и их натравили на того жадюгу и кроилу. В общем, грохнули его, всю его банду и еще кого-то на всякий случай – не то соседей, не то друзей детства. Парень из Лимы получил повышение – его перевели на должность политического советника в Баготу. То есть буквально пустили козла в огород. Получателем кокаина стал племянник покойного в Рио, а цены возросли настолько, что всем участникам операции хватило на дорогие рождественские подарки (это как раз случилось под Рождество) и на щедрые медицинские страховки для их семей лет на пять, не меньше. Там еще какие-то бонусы были. Вот что значит жадность!

Но мистер Том был все же куда более востребованным звеном в той цепи, чем жадюга наркоторговец у нас там. Того быстро заменили племянником, а этого кем заменишь? И чтоб знал все-все, и чтоб уважали в высших кругах, ценили, а главное, доверяли. Ну, еще чтоб был обаятелен, умен, образован и, конечно же, бесовски продажен! Поэтому было решено его пощадить, хоть и наказать понижением персональной прибыли на эту сделку в несколько раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.